

АЛЛА ХОЛОД

ЧУЖАЯ ГОСТЬЯ

ПСИХОЛОГИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Психология преступления

Алла Холод

Чужая гостья

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Холод А.

Чужая гостья / А. Холод — «Эксмо», 2018 — (Психология преступления)

ISBN 978-5-04-097703-1

Марьяна и Ульяна Карелины – близнецы. Но похожи они только внешне, а по характеру и образу жизни совершенно разные: Марьяна – деятельная карьеристка, месяц назад она вступила в должность генерального директора телеканала и начала жесткую борьбу с финансовыми махинациями. Уля – мягкая, нежная, неконфликтная, девушка-колибри. Однажды встревоженная чем-то Уля назначила сестре встречу. Они договорились пересечься у Марьяны дома, но когда чуть припозднившаяся хозяйка переступила порог своей квартиры, то нашла Улю задушенной... Следователь уверен, что убийца перепутал сестер и будет стремиться исправить ошибку. Но вскоре Марьяна обнаружила в электронной почте Ули письмо, которое перевернуло всю ее жизнь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097703-1

© Холод А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	24
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Алла Холод

Чужая гостья

© Холод А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Первый день на Сицилии прошел для Жанны Савельевой из рук вон плохо. Она не замечала красоты Тирренского моря, ее не радовали высоченные кокосовые пальмы, кроны которых упирались в ярко-голубое бездонное небо, не возбуждали запахи пиццы, доносящиеся из уличных кафе. И вообще больше всего ей хотелось плакать. Они с Андреем тщательно планировали будущий отпуск, придирчиво выбирали отель, чтобы он удовлетворял их главным требованиям. Она пересмотрела десятки вариантов и остановилась на курортном местечке Монделло, в двадцати пяти минутах езды от Палермо. Этот курорт привлек ее благодаря своему уникальному пляжу с белоснежным песком, какой крайне редко встречается в Европе, и своей близости к столице острова. Андрей поддержал ее решение. И вот за два дня до отъезда оказалось, что он лететь не может. У его босса умер отец, и он срочно уехал в родной город, так что на весь следующий месяц руководство фирмой ложилось на Андрея. Если бы еще причина оказалась какой-то другой, с начальником можно было бы и поспорить – Андрей оставался его незаменимым замом в течение долгого времени, и с ним считались. Но не поддержать руководителя в момент траура было для Андрея совершенно невозможно. Он как мог успокоил жену, твердо обещал, что осенью они вместе обязательно отправятся куда-то еще, и строго-настрого запретил даже помышлять об отмене поездки.

В аэропорту Палермо Жанну встретили на «Мерседесе», и гид сразу же сообщила, что в Монделло нет русских туристов, поэтому никаких экскурсий не будет. Оказалось, что соотечественники, прилетающие в Палермо, едут отдыхать в Чефалу, откуда им и предлагают совершить организованные путешествия в Палермо и Монреале, на вулкан Этна, на сыроваренную фабрику, винный завод и куда-то еще. Жанна совсем приуныла. Мало того, что она будет две недели совершенно одна, так ей еще и придется скучать. Первый день она проспала под зонтиком на пляже, без аппетита поужинала в отеле, приятно удивившись отменному обслуживанию, напилась на ночь вина с черешней, еще раз поплакала и уснула. Проснувшись на следующее утро, она дала себе обещание не губить отпуск окончательно и постараться извлечь из него все возможные удовольствия. Море оказалось фантастически красивым, ей еще не приходило видеть в средиземноморском бассейне такого изумительно бирюзового цвета воды. Солнце палило нещадно, но свежий бриз примирял с жарой. Жанна пообедала в пиццерии на маленькой площади, основной достопримечательностью которой был фонтан и русалка сомнительных художественных достоинств, которую скульптор почему-то наградила двумя хвостами. Жанна заказала два бокала «Неро Дьяволо» и вкуснейшую ароматную «Маргариту». Осилила, впрочем, только половину, остальное ей упаковали в коробочку. На обратном пути не удержалась и купила в уличном киоске порцию жареных анчоусов, которые съела, даже не успев дойти до отеля.

В номере она приняла душ, вымыла голову, привела себя в порядок и поехала в Палермо. Путеводители не врал: дорога до центра города заняла всего двадцать пять минут. Из окна автобуса столица Сицилии казалась обычным островным средиземноморским городом с цветочными клумбами на балконах домов, небольшими пьяццами, снующими туда-сюда мотоциклистами. Жанна вышла на конечной остановке, у театра Политеама, сверилась с картой и зашагала по теневой улочке в сторону пешеходной части города. С каждым новым шагом город

все увереннее овладевал ею, каждый перекресток незаметно соблазнял ее и влюблял в себя. Жанна надолго задержалась у театра Массимо, на перекрестке Кватро Канти у нее буквально остановилось дыхание, и она пристально разглядывала скульптуры, украшающие здания, прикасалась к фонтанам, садилась на холодные парапеты. Когда дошла до знаменитой Пьяццы Претории, она была уже безнадежно и неистово влюблена в этот город.

На следующий день Жанна избрала своей целью Кафедральный собор, потрясший ее своей красотой. Туристов предупреждают о необходимости покинуть храм к 18 часам, когда начинается месса, но соответственно одетая и совсем не похожая на туристку Жанна спрятала фотоаппарат в сумочку и с трепетом просидела всю мессу, воспринимая незнакомые слова проповеди как волшебную музыку.

Каждый день она стала проводить так: с удовольствием завтракала, шла на пляж, нежилась в прозрачной бирюзовой воде, затем возвращалась в отель, принимала душ и собиралась в Палермо. Там весь день бродила по улицам, останавливалась в кафе и джелатериях, подолгу фотографировала памятники и необычные дома. Ей вообще стало удивительно интересно запечатлеть все вокруг. Палермо казался музеем под открытым небом, он буквально дышал историей, но при этом был необычайно живым и каким-то очень искренним городом. Официанты в кафе улыбались ей, предлагали пообедать и выпить «Неро Дьяволо», и устоять перед их радушием было совершенно невозможно.

В какой-то из дней Жанна, уставшая от долгой прогулки, совмещенной с вполне удачным шопингом, решила сделать остановку в приятном уличном кафе на небольшой пьядца Сан-Доменико. Она еще не успела ее запечатлеть, хотя бывала здесь уже не раз и отметила вкусный салат, замечательную пасту с морепродуктами, соблазнительное мороженое и неизменное для Сицилии красное сухое «Неро Дьяволо». Было очень жарко, и Жанна решила, что после долгой прогулки вполне осилит целую бутылку холодного просекко. Она заказала к шампанскому салат из морепродуктов и вытащила телефон – фотографирование вошло у нее здесь в привычку, она сделала уже несколько сотен отменных снимков. Пока не принесли заказ, Жанна успела запечатлеть с разных ракурсов скульптуру, возвышающуюся посреди маленькой площади. Выпив залпом первый бокал ледяного просекко, Жанна расслабилась, стала вглядываться в жилые дома, рассматривать прохожих. Ее внимание привлек красивый итальянец с выющимися волосами, сидящий через три или четыре столика. Он был не один, напротив за столиком расположилась эффектная блондинка в очках Дольче Габбана, томно улыбалась ему и безразлично ковыряла вилкой в большой тарелке. Они оба пили белое вино. Итальянец был стильно небрит, белозубо улыбался и был так хорош собой, что Жанна невольно залюбовалась, у нее даже что-то шевельнулось внутри. Что-то такое щемящее... Через несколько минут она поняла: незнакомец безумно напоминает ей кого-то. То ли актера Олега Даля, то ли кого-то, кого она давно и хорошо знала. Бутылка просекко уже наполовину опустела, и Жанне вдруг вспомнился давний августовский вечер. Широкий берег Дона, большой гостеприимный дом, шумная компания, цикады, стрекочущие в высокой траве, много вина и веселья. Безумная ночь – и страшное, невероятное утро, которое за этим последовало. Толик Веселов. Это имя всплыло само, чувствительно ударив в голову, чуть затуманенную игристым напитком. Жанна придвинула к себе телефон и незаметно сделала несколько фотографий, старательно изображая, будто снимает с разных ракурсов здание базилики. Итальянец не заметил ее манипуляций, видимо, ему и в голову не могло прийти, что какая-то туристка фотографирует именно его. Похоже, он вообще никого не замечал, кроме блондинки, сидящей напротив. Жанна стала внимательно рассматривать только что сделанные снимки. Цвета глаз на них видно не было. Но вот та же родинка на щеке, тот же идеальный нос, те же выразительные губы... Толик Веселов. Нет, этого не может быть! Впрочем, у Толика имелась одна примета, по которой опознать его было бы легче легкого, но руки незнакомца в кадр не вошли. Жанна только сейчас вспомнила, что на левой руке, на тыльной стороне ладони и на запястье, у Толика остался след от

очень серьезного ожога. Надо было подойти к иностранцу поближе, но как? С какой целью? Мужчина сидел, как назло, повернувшись к Жанне правой стороной. Пока она размышляла, парочка прикончила заказанную бутылку, и мужчина позвал официанта. Сейчас они расплатятся и уйдут, подумала Жанна и отчего-то ощутила острый укол непонятного чувства безвозвратности. Мужчина и девушка действительно вскоре встали и направились через площадь к виа Рома. Жанна смотрела вслед парочке и не могла поверить в правдивость того, что сейчас увидела.

В странном настроении она дошла до остановки автобуса, и внезапно ее взгляд зацепился за яркую голубую рубашку с узором – вот он, незнакомец из кафе, так удивительно напавший ей человека из далекого прошлого! Блондинка плелась за ним, отставая на два шага, потому что была поглощена каким-то оживленным разговором по телефону. Неужели они тоже идут к автобусной остановке? Нет, пара замедлила шаг возле стоянки такси. Первым стремлением Жанны было рвануть через дорогу и сесть в следующую машину, но она себя остановила – кто знает, куда они собираются ехать? Мужчина договорился с таксистом, но девушка продолжала разговаривать, и когда он открыл перед ней дверцу, жестом показала, чтобы спутник минуту подождал. Жанна подхватила с асфальта пакеты с покупками и перешла через узкую дорогу к театру Политеама.

– Скузи, сеньор, че ора э? – нашлась она.

Незнакомец поднял руку и посмотрел на часы. Он ответил, не глядя на туристку, задавшую вопрос, и дежурно улыбнувшись одними губами, но Жанна успела отчетливо увидеть, что его запястье жестоко изуродовано давним широким рубцом.

В смятении Жанна подошла к таксисту, который был в очереди ожидавших следующим.

– Монделло, – сказала она и села на заднее сиденье.

Дорога заняла двадцать минут, в течение которых Жанна Савельева никак не могла прийти в себя. Это был Толик Веселов, теперь уже не оставалось никаких сомнений! Человек, который погиб восемь лет назад.

Воспоминания были очень отчетливыми, словно с той страшной ночи прошло не десять лет, а три дня. Праздновали «четвертак» Семы Голуковича, вечеринку он с шиком организовал в загородном доме то ли родителей, то ли деда. Много пили, веселились. Ничто не предвещало трагедии, никто ни с кем не ссорился. А утром в доме не обнаружили ни Семена, ни Толика. С утра ребят не искали, лишь удивились их отсутствию, особенно когда обе их постели оказались нетронутыми. А к обеду на пляже нашли две стопки одежды: одна стопка была одеждой Семена, другая – Толика. Рядом валялась пустая бутылка водки.

С тех пор никто и никогда не видел ни Семена Голуковича, ни Анатолия Веселова. Считалось, что они пошли купаться, когда все уже легли спать, на пляже выпили еще водки. Что произошло дальше, можно было только гадать. На этом участке Дон беспокойный, встречаются и стремнины, и водовороты. Что случилось той ночью, так никто и не узнал. Два человека исчезли с лица земли. Никто больше не видел их ни живыми, ни мертвыми. Потом, когда дело расследовала милиция, вполголоса говорили и о том, что вместе с друзьями из дома Голуковичей пропала и некая крупная сумма денег. Но никаких следов пропажи, насколько знала Жанна, найти так и не удалось. Более того, официального заявления никто не делал. По сравнению с бесследным исчезновением двух здоровых молодых парней пропажа денег казалась такой мелочью, что всерьез ими никто не занимался.

И вдруг теперь здесь, на Сицилии, через восемь лет после тех событий Жанна встречает Толика. Целого и невредимого, модно одетого и загорелого, с дорогими часами на изуродованной руке. Может ли это быть правдой или она ошибается?

Жанна вышла из такси на въезде в Монделло, ей хотелось пять минут пройти пешком по набережной, подышать свежим морским воздухом. Она вздрогнула, когда совсем рядом хлопнула дверца такси, и пассажирка, вышедшая из машины, довольно громко поблагодарила

водителя. Жанна обернулась: перед ней был тот самый итальянец в голубой рубашке и его спутница.

– Толик! – окликнула его Жанна.

Мужчина не обернулся, но было видно, как напряглась его спина, как он внезапно прервал начатое движение. Он остановился на тротуаре, делая вид, что ищет что-то в бумажнике. И когда Жанна поравнялась с ним, последние сомнения исчезли. Это был Толик Веселов. Он посмотрел на нее напряженно и встревоженно.

Вечером, сидя на веранде своего номера, Жанна размышляла над сделанным открытием. Она давно не видела своих старых друзей, тех, которые были тогда в той компании. Может быть, им что-то известно? Или все и сейчас считают Толика погибшим? Она решила, что как только вернется домой, сразу же найдет нужные телефоны и расскажет о неожиданной встрече. В первую очередь, конечно, Ульяне. Она так любила его, так по нему сохла, и когда Толик пропал, по-настоящему страдала. Ульяна до последнего не хотела верить, что он погиб, а может, так в это и не поверила. Интересно, как она отреагирует на подобное известие? Столько лет прошло... Как бы там ни было, Жанна твердо решила сообщить ей о сделанном открытии.

Глава 1

- Марьяна Юрьевна, Житко в приемной, вы сможете сейчас его принять?
- Ни сейчас, ни позже! – гавкнула в трубку Маша. – Я его не вызывала.
- Я передам, Марьяна Юрьевна, – злорадно отозвались на другом конце провода.

Маша хотела добавить что-то еще, но передумала. Вчерашний разговор с коммерческим директором и так не выходил у нее из головы.

Выждав пару минут, она выглянула в приемную.

- Зачем он приходил? – спросила она, обращаясь к секретарю.

– Оставил заявление об уходе, – ответила девушка и протянула Марьяне лист бумаги. – Сказал, что хотел еще какую-то докладную оставить, но поскольку вы заняты, не стал.

Марьяна покрутила в руках бумажку, вернулась к себе. Вчера Виталий Житко сделал попытку поговорить с ней тет-а-тет, причем не подкараулил на автостоянке перед телеканалом, а заявился к ней домой. Не в квартиру, конечно, но во двор. Именно там она обнаружила его, когда возвращалась с работы. «Марьяна Юрьевна, нам надо поговорить», – заявил Виталий, снабдив свои слова многозначительной улыбочкой. И выражение лица у него было этакое заговорщическое, будто у них могут быть какие-то общие секреты.

– Вы сделали очень неудачный выбор места и времени, – холодно заметила Марьяна. – Вы считаете, что я должна пригласить вас домой? И обсуждать с вами рабочие проблемы в приватной обстановке?

– Ну что вы, – ничуть не смутившись, ответил Житко, – мы можем поговорить и здесь, если вам удобно. А можем выпить кофе в кафе за углом. Я не отниму у вас много времени.

– Даже если бы и собирались его отнять, у вас бы не получилось, – отрезала Марьяна. Она собиралась было пройти мимо, но почему-то остановилась. Ситуация стала ее забавлять.

– На что вы, собственно, рассчитываете? – внезапно спросила она, в упор взглянув на неприятного человека.

– На то, что вы не откажете мне в праве быть выслушанным, – выдержав взгляд, ответил Виталий.

– Если вы надеетесь меня чем-то заинтересовать, то зря тратите время, – сказала Маша, пытаясь изобразить голосом усталые интонации. – Передо мной поставлены определенные задачи, и я буду работать на их реализацию...

– Простите, что перебиваю, – встрял Житко, – но я осмелюсь напомнить, что вы все-таки в нашем хозяйстве человек новый. Я прекрасно понимаю, что не смогу вам навязать свою точку зрения, и пытаться в чем-то переубедить вас я тоже не стану. У вас достаточный опыт, чтобы иметь собственные взгляды на вещи.

- Что же тогда вам нужно? – удивилась Марьяна.

– В первую очередь проинформировать вас, – ответил Виталий Житко, – а дальше все зависит от вас.

- Сколько времени вам нужно?

- Пятнадцать минут.

Никаких бесед за чашечкой кофе, подумала Марьяна, пусть объясняется в ситуации, в которой ему будет максимально неудобно.

- Я вас слушаю, – сказала она вслух.

Виталий Житко ничем не показал, что разочарован, не стал повторять приглашение выпить кофе, чтобы не спугнуть внезапную удачу.

Марьяна представляла себе, о чем пойдет разговор. Она получила назначение месяц назад, хотя готовилась к нему, наверное, с полгода. Она внимательно отслеживала ежедневные эфиры, чтобы прийти на новое место подготовленной. Тщательно отмечала и заносила в спе-

циально созданную папку все, что резало слух и глаз: откровенные ляпы, допущенные ведущими и корреспондентами, неудачные названия передач, вульгарные или безвкусные наряды местных теледив. Ей казалось, ничто не ускользнуло от ее внимания: ни затянутые, скучные прямые эфиры ни о чем, призванные заполнить не раскупленное и не использованное своими силами экранное время, недопустимый акцент молодежи из «Новостей», менторский тон ведущего субботней итоговой передачи, нелепо пытающегося изображать из себя мэтра телевидения. Вместе с тем Марьяна понимала, что как бы хорошо она ни подготовилась к реформированию творческого блока, ознакомление с хозяйственной и финансовой стороной деятельности предприятия она сможет начать только после вступления в должность.

Ее предшественника «ушли» по-тихому, без скандала, естественным образом – как бывает всегда, когда у объекта меняется собственник. Вернее, новый собственник только готовился вступить в права владения телеканалом. Областное правительство внесло городскую телекомпанию «Спектр» в план приватизации еще в прошлом году. У области было свое, щедро финансируемое из областного бюджета телевидение – филиал популярного федерального канала. Наличие городского ТВ перестало быть интересным областным чиновникам, излишне отягощало бюджет, оттягивало средства от других, более заманчивых, медиапроектов. Телевидение – вещь серьезная, и заниматься им надо профессионально, иначе оно превращается в бессмысленную и неоправданно дорогую обузу. То, чем стал «Спектр», постепенно оказалось никому не интересным. Тем не менее пакет акций стоил дорого, и городской телеканал превратился в чемодан, который тяжело нести, но жалко бросить. Покупать его никто не хотел – в кризис серьезным бизнесменам это даже в голову не приходило. Первый аукцион по продаже акций «Спектра» был признан несостоявшимся, однако на областном политическом небосклоне что-то сначала неуловимо, а затем и ощутимо стало меняться. В области произошли серьезные кадровые изменения: за последний год отправились в добровольную отставку два вице-губернатора и два вице-мэра. В отношении нескольких руководителей городских и областных департаментов велись серьезные расследования, в областном СК возбудили ряд уголовных дел с участием глав районов. Уже почти год – после громкого коррупционного скандала – так и оставались вакантными должности председателя областного суда и его заместителя по уголовным делам. Одним словом, в области было неспокойно, по всем косвенным признакам она готовилась к большим переменам. В этот самый момент городское телевидение наконец-то оказалось востребованным: на повторный аукцион была подана серьезная заявка от крупной финансово-промышленной группы «Развитие», что давало все основания полагать: вскоре у телеканала «Спектр» появится настоящий хозяин.

Будущему владельцу, впрочем, требовался хороший специалист, который еще до осуществления покупки мог бы разобраться в положении дел на предприятии, оценить, какой объем инвестиций потребуется проекту, чтобы он заработал в полную силу. В правительстве легко пошли на условие потенциального покупателя: назначить на должность генерального директора человека, который по возможности подготовит телеканал к реформированию. Во-первых, чиновники понимали, что лучшего покупателя, возможно, еще долгое время не появится и непременно нужно пойти навстречу тому, кто выразил готовность им стать. Во-вторых, этот самый потенциальный покупатель был очень и очень своим. И ему бы в любом случае не отказали.

Перед Марьяной были поставлены вполне определенные задачи: оценить коммерческий потенциал телеканала, подготовить почву для преобразований, избавиться от балласта, найти и переманить людей, которые смогут составить костяк новой команды, способной сделать из увядающей телекомпании современный, эффектно упакованный, качественный и – что не менее важно – рентабельный продукт.

Виталий Житко работал коммерческим директором «Спектра» лет, наверное, десять, и все эти годы телеканал влачил жалкое финансовое существование. Практически все про-

изводственные затраты, как и зарплаты сотрудников, погашались за счет мизерных бюджетных ассигнований и одной более или менее приличной собственной статьи дохода, которой являлись государственные контракты. В этот пакет входили новостные сюжеты и регулярные телепередачи о деятельности городских и областных законодателей, областного правительства, районных администраций. Коммерческая реклама в бюджете «Спектра» не отражалась практически никак. А она была, эта реклама, что было видно невооруженным глазом. Неоплаченных заказных передач – иначе говоря, «джинсы» – в эфире было хоть отбавляй. Подсчитать ее объем не составляло труда, Марьяна сделала это в первый же свой рабочий день. Вернее, вечер, когда засиделась в кабинете чуть ли не до десяти часов. В эфир телеканала регулярно выходили передачи, которые не числились коммерческими, но содержали явную, топорную, ничем не завуалированную рекламу. Объем «джинсы» Марьяну ошеломил. Речь шла о недополученных телекомпанией миллионах, а за год – десятках миллионов рублей.

Она пригласила по очереди всех авторов сомнительных телепроектов, но разговоры с ними ничего не дали. Никто из них не числился в штате телеканала, все работали по контракту, причем контракты были очень смешные – абсолютно безвозмездные с обеих сторон. Автор на оборудовании телеканала бесплатно производит передачу, которую телеканал потом так же безвозмездно выпускает в эфир. Авторы округляли глаза и как один твердили, что в своих передачах рассказывают о важных городских проблемах, а если их эфиры и содержат какую-то долю рекламы, то чего же вы хотите – любому проекту нужен спонсор, чтобы хотя бы производственный цикл как-то оправдать, оператору заплатить, инженеру... Все это было нелепо и смешно, у Марьяны возникало ощущение, что она разговаривает со школьниками. Она честно два дня подряд выслушивала эту чушь, пока окончательно не устала от всей этой ахины и не выбросила из эфирной сетки всю «джинсу» подчистую.

Защищать свои проекты авторы эфиров не могли, они работали «втемную», аргументов у них не было, и тогда в обсуждение вступил Виталий Житко. Первая встреча с ним у Марьяны Юрьевны была короткой. Она вызвала его и потребовала написать ей докладную записку с обоснованием шести телепрограмм, которые выходили в эфир еженедельно и содержали коммерческую рекламу. Поначалу Житко сделал робкую попытку повторить всю ту чушь, которой Марьяна уже наслушалась в своем кабинете и которой была сыта по горло. Со второго захода он применил другую тактику: мол, я всего лишь коммерческий директор, решения принимал не я. Марьяна на корню пресекла туманные намеки на бывшего директора и поставила Житко четко сформулированное условие: либо коммерческий директор дает письменное объяснение присутствию в сетке неоплаченных передач, либо она назначает официальный аудит. Последний вариант развития событий грозил Виталию Андреевичу более существенными неприятностями, чем просто потеря непыльной денежной работы. Телекомпания пока не продана в частные руки, в ней присутствуют бюджетные деньги, и заключение аудиторов неизбежно ляжет на стол руководителя контрольно-счетной палаты, который уж точно ни в чем разбираться не станет, а попросту передаст документы в следственный комитет. Когда Виталий представлял себе подобный исход, у него от ужаса темнело в глазах. На самом деле каждая передача, к которой предъявила претензии Марьяна Юрьевна Карелина, имела заказчика, который оплачивал производство и размещение в эфире строго по графику. Двое из авторов еженедельно получали деньги наличными, еще двое были зарегистрированы как ИП и получали установленные суммы по безналичному расчету. С Виталием Житко они рассчитывались без свидетелей два раза в месяц. Оставшиеся две телепрограммы по документам производились и размещались рекламным агентством «Медиа-Ярмарка», которое не заключало с телеканалом никакого официального договора, а попросту ежемесячно переводило определенную сумму Виталию Андреевичу на карточку. Установить все эти детали не составит никакого труда. И тогда на спокойной, сытной, удобной жизни Виталию можно будет раз и навсегда поставить крест. Скучную, почти безнадлежащую личную жизнь господина Житко, буря – если она разразится именно сейчас – сметет

всю без остатка. Виталий Житко испытывал серьезные трудности в общении с женщинами. Его позвоночник с детства был изуродован выраженным сколиозом, его даже когда-то дразнили «горбатым». Рано облысевший, с бледной пористой кожей и невыразительным лицом, вечно блестящим от пота, с которым совершенно невозможно было бороться, он считал, что единственное, чем он может привлечь женщину, – это обещанием комфортной, безбедной жизни. К 30 годам он накопил богатейший опыт по части женских отказов, пережил несколько чувствительных фиаско и полностью сконцентрировался на зарабатывании денег. Все равно, как и где, лишь бы побольше. Он ничего не боялся и ни на кого не оглядывался, использовал на полную катушку все имеющиеся возможности извлечь денежную выгоду, а если с возможностями возникали трудности, профессионально их устранял. Только сейчас, в 38-летнем возрасте, у Виталия Житко впервые появилась перспектива обзавестись настоящей семьей. Перспектива эта еще не вылилась в акт о зарегистрированном браке, но постоянная женщина была, причем такая, о какой Виталий мечтал: спокойная, добрая, красивая. Он холил ее и лелеял, боялся сглазить свое счастье. А тут – Марьяна с ее рвением, с ее угрозами, которые – если будут осуществлены – разрушат до основания все, что Виталий так долго и усердно строил.

Репутация Виталия Андреевича была Марьяне прекрасно известна, ей уже приходилось сталкиваться с ним по работе на разных предвыборных кампаниях, однако она не думала, что воровать можно так беззастенчиво и нагло. А ведь она только-только вступила в должность и пока проверила лишь то, что слишком явно бросалось в глаза. Она еще даже не прикасалась к статьям расходов телеканала, где также могли прятаться самые неожиданные сюрпризы.

Строго говоря, Марьяна Юрьевна Карелина не была специалистом в области телевидения – до этого назначения на телевидении она не проработала ни дня. В двадцатилетнем возрасте ее, студентку университета, взял к себе помощником по округу отцовский приятель и партнер по преферансу – депутат областной думы Михаил Иванович Шабанов. Марьяна специализировалась на связях с общественностью, и работа показалась ей весьма полезной в смысле приобретения опыта и к тому же не требующей больших трудовых затрат. Марьяне нравилось общаться с людьми и еще больше нравилось то, что не нужно было каждый день ходить на службу. Она и сама не заметила, как втянулась, новая деятельность увлекла ее. Получив диплом, Марьяна устроилась в думу на постоянную работу, параллельно вела общественную приемную своего депутата, а когда тому пришла пора переизбираться на новый срок, активно включилась в деятельность избирательного штаба. Она знала, что в новом созыве Михаил Иванович будет претендовать на пост председателя думы, и понимала, какие это открывает перспективы лично перед ней. Нестандартно мыслящая креативная девушка фонтанировала свежими идеями, очень быстро прибрала к рукам значительную часть работы штаба и внесла большой вклад в победу кандидата на выборах. Когда опекаемый ею Михаил Иванович стал спикером, Марьяна получила должность пресс-секретаря. Пресс-службы в те годы в думе еще не было, были лишь должности пресс-секретаря председателя и главного специалиста. Марьяна поставила себе целью создать в думе полноценную пресс-службу. За первые же годы своей работы умная привлекательная девушка успела обворожить всех мужчин-депутатов, большей частью серьезных влиятельных людей, ее стали наперебой приглашать на работу. Вся дальнейшая карьера Марьяны Юрьевны Карелиной так или иначе была связана с организацией предвыборных кампаний. Депутатских, мэрских, партийных и даже губернаторских. В масштабных кампаниях она руководила блоком пиар-работы. Если нужно было выбрать депутата – делала всю кампанию «под ключ». У нее имелась огромная база опытных агитаторов, она умела грамотно поставить всю «полевую» работу с избирателями и никогда не действовала по шаблону – для каждого кандидата она изыскивала персональный, оригинальный подход. Разумеется, Марьяна очень хорошо ориентировалась во всех региональных СМИ, знала цену каждому изданию и почти каждому журналисту, тесно общалась с менеджерами и рекламщиками.

Обмануть ее, навешать лапшу было практически невозможно. И она знала, что Виталию Житко это прекрасно известно.

Стоя в своем дворе перед потеющим коммерческим директором, Марьяна испытывала к нему чуть ли не жалость. А ведь он наверняка считает себя очень умным, этот Виталик, думала она. Неказистым, некрасивым, но жутко хитрым и ловким. В течение нескольких лет он выдавал за социальные проекты откровенную «джинсу», складывал денежки себе в карман, отстегивая процент директору, который получал неоправданно большую зарплату и мало чем интересовался. И сейчас он пытается объяснить ей, что любому телеканалу нужен некий оборот неучтенной наличности. Например, для премирования ценных сотрудников, которым слишком накладно платить по-белому, для всевозможных «благодарностей» начальникам пресс-служб, которые помогают с контрактами. Да мало ли для чего еще! Телекомпания не может существовать без наличной кассы, уж кто-кто, а Марьяна Юрьевна с ее колоссальным опытом должна это понимать. Кстати сказать, не все деньги из этой кассы потрачены, кое-что из собранного осталось нетронутым, и он, Виталий Андреевич, готов Марьяне Юрьевне всю эту сумму передать. Марьяне стало смешно. Он предлагает ей взятку!

– Вы эту самую не потраченную сумму берегите как зеницу ока, Виталий Андреевич, – сказала она, отметив, как живо, с надеждой блеснули глаза ее собеседника. – Я не юрист и могу ошибаться, но добровольное возмещение ущерба значительно смягчает наказание.

Лицо Виталия Житко изменилось мгновенно: глаза его сузились, нижняя губа задрожала, руки непроизвольно сжались в кулаки.

– Вам доставляет удовольствие издеваться над людьми, упиваться своей властью? – неожиданно спросил он.

– В чем вы видите издевательство? – удивилась Маша. – Я задала вам конкретные вопросы, предельно честно известила вас о том, какие шаги собираюсь предпринять. Вы сами опытный человек и должны понимать, что я не могу допустить, чтобы в телекомпании все оставалось по-прежнему. Она была государственной, но скоро станет частной. Я всего лишь нанятый директор, и я не хочу отвечать перед собственником своей репутацией. Если оставить все как есть, я рискую своей дальнейшей карьерой. Назовите мне хотя бы одну причину, по которой я должна пойти на такой риск. Отвечу за вас: таких причин нет.

– Вы не можете отвечать за то, что было до вас, – возразил Житко. – Допустим, вы в полном праве пересмотреть условия размещения передач в эфире, можете просто закрыть какие-то программы, все, что вы делаете с момента своего назначения, – это ваше полное право. Я же прошу вас не расследовать то, что было раньше. Поймите, я в компании работал не один. Передо мной тоже ставили задачи, и я их решал. Может быть, наш бывший директор теперь начнет отрицать, но на самом деле это было его требование – иметь наличную кассу. Для всяких разных нужд.

– Не слишком ли она была велика, эта касса? – перебила его Марьяна. – Хотите подсчитать? Умножить стоимость минуты на хронометраж, потом на периодичность выпуска... Давайте подсчитаем, я уже немного посидела с калькулятором, можем вместе посидеть. Тогда и расскажете мне, на какие нужды вы потратили такую прорву денег.

– Я вам объяснил, что деньги потрачены не все, – Житко стал наливаясь краской, – и я готов предъявить их вам.

– Вернуть, – поправила его Марьяна.

– Нет, именно предъявить.

– Ладно, давайте не будем углубляться в термины, я не вижу смысла продолжать этот разговор.

– Послушайте, Марьяна Юрьевна, подождите еще одну минуту! – Виталий сделал движение, чтобы ее удержать, хотя она еще не успела сделать ни шага. – Зачем вам все это? Вы постройте по своему пониманию работу с того момента, как вас назначили, но зачем ворошить

и перебирать все это старье? Зачем вам уничтожать людей? Что за радость вы от этого получите? Вы не мент, не ревизор, вы сами всю жизнь работаете в смежной сфере. Зачем вам все это?

– Да, я работаю в смежной, как вы изволили выразиться, сфере всю жизнь! – повысила голос теряющая терпение Марьяна. – И всю свою профессиональную жизнь я имела дело с неучтенными потоками наличных денег. Чужих денег. Но никогда, ни разу за все эти годы у меня не возникло желания их украсть. Никогда, можете вы себе это представить? Мои услуги дорого стоят, мне платят большие гонорары, может быть, даже правильнее сказать – огромные гонорары. Но я никогда не возьму то, что мне не принадлежит! Поэтому у меня репутация, поэтому мне доверяют, поэтому я стала тем, кто я есть сейчас. Я презираю воровство!

– Да кто же против ваших принципов?! – взвился Житко. – Это ваше право – жить так, как вы понимаете. Я о другом вас спрашиваю: зачем вам обязательно нужно меня уничтожить? Что я вам сделал? Ведь я не взял ничего вашего. Я не взял ничего у тех, на кого вы работаете. Вы хотите выслужиться перед новым владельцем? Показать, какая вы кристальная? Как смели, раздавили всех, кто работал раньше? Что вам от этого за радость?

– Да почему я вообще должна вам что-то объяснять? Кто вы такой?! – вскипела Марьяна. А потом, снизив голос, добавила: – Я вообще-то не приняла еще решения о проведении аудита, только думала об этом. Если бы вы не начали юлить, я просто уволила бы вас, и все, и вряд ли пригласила бы ревизоров. Но вы меня раздражили. Именно сейчас, в эту минуту, вы меня раздражили всерьез.

– Да, видно, я не первый, кто вас раздражил, Марьяна Юрьевна, – выдавил коммерческий директор. – То-то мужья с вами подолгу не уживают. Вы их так же травите, как своих подчиненных? Или вы думаете, что вы неуязвима? Что жить вам счастливо и вечно?

– Вы что, угрожать мне вздумали?! – опешила Марьяна. – Что вы сейчас сказали? Это угроза?

– Боже упаси, – усмехнулся Виталий Житко. – Кто вам пригрозит, тот сам умрет на следующий день, да, Марьяна Юрьевна? Вы, наверное, именно так думаете? Только жизнь гораздо сложнее, чем вы себе представляете. И если она вас до сих пор ласкала, это вовсе не значит, что так будет всегда.

С этими словами он удалился, а она смотрела вслед его кривоватой фигуре, пока он не скрылся за поворотом.

Неприятный разговор крутился у Маши в голове весь остаток вечера. Она никогда не боялась конфликтных ситуаций. И никому не призналась бы в этом, но на самом деле они ее будоражили, подгоняли, не давали вязнуть в рутине. Она не любила интриг и притворства, своим фирменным рабочим стилем считала предельную открытость и ясность в отношениях, и если ей приходилось ловить людей на лжи, безжалостно рвала с ними раз и навсегда. Однако сейчас что-то было не так. Не то чтобы Житко ее в чем-то убедил, нет. Просто от разговора осталось какое-то неприятное чувство, и до самого отхода ко сну Маша не могла понять, какое именно. Обычно в подобных случаях она поступала так: рассказывала о непонятной ситуации Ульяне. Та долго и пристрастно ее допрашивала, выматывая все нервы, и когда доводила сестру до всплеска раздражения, становилось понятно, где зарыта собака, чем именно была вызвана тайная тревога.

Обычно Уля и Маша созванивались около полуночи, когда все фильмы уже пересмотрены, домашние дела сделаны, и обе сестры готовились ко сну. Потом они не смогли бы сказать, кто именно кому звонил. В тот момент, когда Маша подходила к телефону, чтобы набрать Улин номер, раздавался звонок. А если Маша звонила сестре, то та брала трубку через секунду, будто стояла у аппарата. Да, в общем-то, так оно и было. Всю свою жизнь сестры – как и большинство близнецов – чувствовали друг друга на расстоянии.

Ульяна не знала, как устроена телевизионная кухня, но обладала безошибочным нюхом на людей, точно улавливала исходящие от них флюиды и редко когда ошибалась в своих впечатлениях и оценках.

Марьяна потянулась за телефонной трубкой, и в тот же момент телефон оглушительно заверещал. Как всегда.

– Еще не ложишься? – осведомилась Уля на другом конце провода.

– Собираюсь, – ответила Маша, – но сначала хочу кое-что тебе рассказать. Мне не дает покоя один производственный конфликт, и я не пойму, чем ситуация меня так раздражает.

– Выкладывай, – вздохнула Ульяна и следующие несколько минут внимательно слушала подробный рассказ сестры. Когда та закончила, несколько секунд в трубке царил тишина.

– Я не совсем поняла, почему ты так беснуешься, – проговорила Ульяна. – Ты же можешь просто уволить человека и навсегда забыть о его существовании. Если уж тебе с близкими друзьями приходилось разрывать отношения, и ты делала это не моргнув глазом, то выкинуть какого-то совершенно чужого, постороннего и к тому же неприятного и нечистого на руку человека должно быть совсем просто. Что тебя беспокоит? Ты не можешь решить, что тебе делать – просто уволить его или все же назначить этот самый аудит?

– Ну да! – воскликнула Марьяна. – Именно это меня и беспокоит. Я хотела возбудить ревизорскую проверку, но она будет иметь для этого коммерческого директора серьезные последствия. Канал-то бюджетный. И еще я не пойму, чего он от меня хотел. Сначала намекнул на взятку, но это мы сразу же проехали. А потом стало непонятно, угрожает он мне или умоляет его не трогать.

– У тебя что, есть задание от будущего собственника как-то круто разобраться со своими предшественниками?

– Да брось ты, конечно, нет! – недовольно воскликнула Марьяна. – Нет у меня никакого специального задания. Мне нужно только расчистить поле для новой команды.

– Ну и в чем проблема, я не понимаю? – спокойно спросила Уля. – Чего ты занервничала? Уволь его, да и дело с концом.

– Но он вор! – возразила Маша.

– А ты кто? Следователь, прокурор? – парировала сестра. – У тебя лично он же ничего не украл? Так зачем он тебе нужен? У тебя, Маня, уже столько врагов, что любой новый недоброжелатель может оказаться тем лишним грузом, который обеспечит твоему багажу перевес.

– Ты так думаешь? – поникшим голосом спросила Марьяна.

– Да ты и сама так думаешь, – предположила сестра. – Если бы думала иначе, ты бы меня не спрашивала. Ты сама не уверена, поэтому и раздражаешься.

Ульяна минутку помолчала, потом добавила:

– Мало ли на что способен человек, которого загоняют в угол! Его, наверное, не следует бояться, но держаться от него лучше подальше. Уволь его, Маня, и забудь о нем.

– Наверное, ты права, моя птичка, – задумчиво промычала Марьяна.

– Твоя птичка очень хочет тебя увидеть, – отозвалась Уля, – тем более что у нее тоже есть разговор.

– Выкладывай.

– Нет, Маш, это не по телефону, я должна тебя увидеть.

– Ты чем-то взволнована? Я по голосу слышу.

– Скорее да, чем нет, но все это завтра. Увидимся, и я тебе расскажу. Ты, кстати, в курсе, что мы не встречались уже почти неделю?

– Пять дней, – уточнила Маша. – Я совсем обезумела с этой новой должностью. Может, завтра по-обедаем, если у меня будет возможность?

– А если ее не будет, то поужинаем, – подытожила Уля. – Созвонимся днем, договоримся.

Сестры попрощались, и Маша задумалась. Действительно, стоит ли создавать проблему из обычной, рядовой производственной ситуации? Она прошла множество предвыборных кампаний и прекрасно знала, что через официальный избирательный счет кандидата оплачивается только малая часть всей предвыборной агитации. Практически вся полевая работа с агитаторами осуществляется через неофициальные расчеты. И сотрудники, которых она нанимала, часто не могли побороть соблазн запустить руку в чужую наличность. Тех, которых Маша ловила, она увольняла в ту же минуту, и вот теперь ей припомнилось, что далеко не всегда она ставила об этом в известность самого кандидата. Зачем? Это ее часть работы, и она прекрасно справлялась с ней сама. А ведь сейчас ситуация почти такая же. Зачем ей выводить на уровень официального расследования злоупотребления, которые она уже пресекла? Что ей будет от этого за радость? Вот оно, ключевое слово! Только сейчас Маша поняла, что ее глодало целый день, какой именно вопрос Виталия Житко не давал ей покоя. Что за радость вы получите? – так, кажется, он сказал. Маша даже подскочила на кровати. Неужели она и впрямь могла бы получить удовольствие от того, что совершенно постороннего и малознакомого человека стали бы преследовать в уголовном порядке? Только урод может получать кайф от унижения другого человека, даже если этот человек неприятен или не прав. Боже, неужели она докатилась до такой пакости? Во что она превратилась на этой работе?!

Маша всегда слушалась Улиных советов, и тому была только одна, но веская причина: каким-то непостижимым образом ее сестра всегда оказывалась права. Профессиональный опыт, специальные знания, успешную практику ей вполне заменяло одно, но очень ценное качество: тончайшая, почти сверхъестественная интуиция. Уля чувствовала людей. Знакомых и даже незнакомых. Порой она так точно предсказывала исход той или иной жизненной ситуации, что Маше становилось не себе.

– Ты могла бы стать гениальным психологом, – твердила она сестре, – ты уже была бы доктором наук, если бы захотела! Если бы не была такой лентяйкой и бестолочью и не похерила свой талантище, ты бы добилась в жизни очень многого!

– Все, что мне нужно, у меня есть, – беззаботно отвечала Уля. – И самое большое достижение моей жизни заключается в том, что мне не нужно вставать в восемь утра.

Насколько Ульяна и Марьяна были схожи внешне, настолько же они были разными во всем, начиная с темперамента и характера, кончая бытовыми вкусами и привычками. Маша появилась на свет первой и считала себя старшей сестрой. Уля, родившаяся на 18 минут позже, не возражала. Она не спорила с Машиним лидерством, но и не признавала его. Она вообще ни с кем не спорила, никому не возражала, но и никому не подчинялась. Свою точку зрения она имела по каждому вопросу, но никогда не настаивала на том, чтобы с ней соглашались. Уля просто излагала свои аргументы и оставляла собеседнику право самостоятельно их осмысливать и оценивать. С самого раннего детства было ясно, что Марьяна растет целеустремленной и ответственной, она отлично училась даже по тем предметам, которые не представляли для нее интереса. А после окончания школы она твердо нацелилась на то, чтобы сделать хорошую карьеру и самостоятельно зарабатывать деньги. И обязательно хорошие деньги, такие, которые давали бы ей возможность быть ни от кого не зависимой и вести такой образ жизни, который отвечал бы ее запросам. А запросы у Марьяны всегда были высоки... Ее характеру иногда были присущи чрезмерная прямолинейность и категоричность, и всегда – обостренная щепетильность в вопросах чести и порядочности. Все это вместе не прибавило Маше счастья в личной жизни, но хорошо послужило ее профессиональной репутации. На предвыборных кампаниях сплошь и рядом подвизались скользкие проходимцы, весь профессионализм которых состоял в умении запудривать кандидату мозги и ловко его обкрадывать. Они направо и налево торговали конфиденциальной информацией и продавали своих работодателей с потрохами. Марьяну Карелину – креативную, умную и каким-то удивительным образом честную – меч-

тали заполучить самые богатые и влиятельные, но она соглашалась работать только с теми, кто не вызывал у нее личной неприязни. При всей своей жизненной опытности Марьяна каким-то невероятным образом не утратила доверчивости, и когда обманывалась, знала только один способ восстановить равновесие: безоговорочно исключить из жизни человека, его нарушившего. Ульяна с детства была тихой и нежной девочкой, ее интересовала музыка, театр, живопись, кино и книги, книги, книги... Она все время читала. Художественную литературу, жизнеописания великих ученых, композиторов и живописцев, документальные исторические произведения. Часами могла рассматривать альбомы знаменитых живописцев. Ходила в клубы кино-критиков, на выставки современных художников, но ни одно из своих увлечений не пожелала сделать профессией. Одно время родители пытались как-то на нее воздействовать, ставили в пример целеустремленную Марьяну. Уля, как всегда, не спорила, но продолжала жить так, как хотела, совершенно не реагируя ни на какие увещевания. Она окончила романо-германский факультет, прекрасно владела английским и французским, но ни одного дня не работала по полученной в университете специальности. Уля никому не позволяла вмешиваться в свою личную жизнь, влиять на свои представления о мире и его устройстве, о других людях и их влиянии на свою судьбу. Ее внутренний мир принадлежал только ей, пропуск в него в виде исключения имела только Марьяна. В остальном – например, в устройстве своего быта – к полной самостоятельности Ульяна особенно не стремилась, не видя ничего зазорного в получении помощи от близких. И когда отец понял, что взрослому Ульяну пора отселять, она не возражала: охотно приняла от него в подарок добротную двухкомнатную квартиру в самом центре города, отделанную, впрочем, в строгом соответствии с ее собственными вкусами. Так же легко она приняла и предложенную отцом работу в его фирме: Уля переводила документы на всю поступающую медтехнику, курировала выпуск новых буклетов, ездила вместе с менеджерами на зарубежные выставки диагностического оборудования. И никогда не спрашивала у отца, почему за столь легкую и непыльную работу ей платят так много.

Для Юрия Петровича Карелина обеспечить младшую дочь не было проблемой. Все, что лежало в материальной области, он считал мелочами, потому что имел к тому полные основания. В молодости он был подающим надежды хирургом-урологом, но любви к профессии не хватило, чтобы задержаться в ней навсегда. Юрий Петрович продвинулся на административную работу, защитился, стал стремительно делать карьеру, пока не дорос до руководителя областного департамента здравоохранения. Должность была одновременно очень привлекательной и конкурентной, но при этом еще и расстрельной, если что... Прекрасно это понимая, Юрий Петрович Карелин, еще будучи чиновником, заложил основы для бизнеса, который сумел впоследствии развить, сделать стабильным и высокодоходным. Его фирме «Медикал» теперь принадлежала целая сеть коммерческих лабораторий, два небольших, но высокорентабельных диагностических центра и клиника, где лечили мужские болезни. Кроме того, «Медикал» много лет успешно занимался поставками диагностического медицинского оборудования по госконтрактам для нужд государственного здравоохранения. Юрий Петрович полностью воплотил свои профессиональные амбиции, не отходя далеко от любимой медицины, создал райскую жизнь жене-медику, которая, пока была жива, находилась за ним, как за каменной стеной. Юрий Петрович к своим 70 годам достиг многого, был богат, значителен, но не слишком доволен жизнью. Созданное им предприятие оставить было не на кого. Ни одна из двух дочерей не имела никакого отношения к медицине. Марьяна не проявляла интереса к бизнесу, хотя была человеком ответственным и вряд ли пустила бы по ветру дело всей жизни своего отца. Уля – существо неземное, о чем она думает, Юрий Петрович никогда не знал. Самыми ужасными были, в его понимании, две вещи: первое – что у обеих его дочерей нет семей и детей. Второе – что сам он тяжело болен. Одна операция на сердце у него уже была, но не оправдала его ожиданий, и повторно он оперироваться не хотел. Если бы жена была жива, в этой борьбе имелся бы какой-то резон, но после смерти Алики Ахметовны этот резон исчез.

Сколько протянет, на том и спасибо. И Маша, и Уля все знали о невеселых мыслях отца, не раз выслушивали его сетования относительно отсутствия нормальных мужей и внуков, но ничего поделать не могли. Маша прогнала обоих мужей сама, такой уж характер. У Ули тоже когда-то был муж, но он ушел от нее по собственной воле, не выдержав конкуренции с призраками прошлого. Впрочем, она этого почти не заметила... Исправлять ситуацию сестры не спешили.

Уволить Житко по собственному желанию, без шумихи и проверок, Марьяна решила еще с вечера, сразу после разговора с Ульяной. Уже раздевшись для сна, она налила себе четверть стаканчика английского джина, плеснула в него немного содовой, с удовольствием выпила и выкурила в открытое окно тонкую сигаретку. После чего быстро заснула без всяких мыслей и с легким сердцем.

Утро для Марьяны Карелиной было особым временем дня. Она не любила вставать рано, но еще больше не любила собираться впопыхах и торопиться. Она никогда не вышла бы на улицу со «вчерашней» головой, перехватив на бегу чашку кофе. Каждое утро, принимая душ, Марьяна мыла и потом тщательно укладывала волосы. Очень серьезно она относилась и к уходу за лицом, всегда терпеливо ожидая, пока впитается в кожу сыворotka, а затем и крем. Но самым главным ритуалом утра оставался завтрак. Она не баловала себя разнообразием меню, завтрак всегда был почти один и тот же: кашка, кофе со сливками, бутерброды с сыром и варено-копченой говядиной, яичко всмятку и огурец. А также обязательным атрибутом завтрака было чтение. Завтракать с книгой Маша привыкла еще в детстве. Вернее, так всегда делала Уля, которая со своими книгами вообще расставалась крайне редко. Маша однажды попыталась объяснить сестре, что читать за едой вредно, с чем Уля по своей всегдашней привычке спорить не стала. Она просто сказала:

– Никто не говорит нам о вреде еды, если еда полезная, ведь правда? И если книга хорошая, то она по определению не может принести человеку никакого вреда. Значит, от завтрака с книгой можно получить не одно, а два удовольствия, а значит, и пользы.

– Но папа говорит, что читать за едой не следует, – настаивала Маша, – он врач, он лучше знает!

– А я думаю, папа имеет в виду другое, – стояла на своем Ульяна. – Если ты сядишься читать иставишь перед собой тарелку с беляшами, то ты можешь увлечься и потерять над собой контроль. А значит, съесть гораздо больше, чем нужно и чем ты собиралась. А если у тебя на тарелке уже лежит только два бутерброда или, скажем, омлет, то добавка ниоткуда не возьмется. Значит, превысить свою порцию ты не сможешь. Следовательно, никакого вреда чтение за завтраком не принесет. А вот польза будет налицо: хорошее настроение всегда полезно для организма.

Маша послушала Улю и тоже стала читать. Сейчас без книги она вообще не смогла бы проглотить ни кусочка.

В то утро что-то пошло не так, но что именно, Маше было непонятно. Детектив, показавшийся поначалу умным и увлекательным, нагнал внезапную тоску. Хлеб, который она всегда покупала в одной и той же пекарне, оказался безвкусным и вязким. Сыр прилипал к зубам, яйцо переварилось. Позавтракав безо всякого удовольствия, Маша принялась приводить себя в порядок и с удивлением обнаружила, что ей неприятно смотреть на себя в зеркало. Чистое гладкое лицо без признаков усталости. Что с ней не так?

Как всякие близнецы, Маша и Уля внешне были очень похожи. Татарская кровь Алики Ахметовны во внешности ее дочерей не доминировала, но все же давала о себе знать широкими скулами и раскосыми глазами, поднимающимися к вискам. Но при несомненном и даже поражающем сходстве лица сестер были разными. Словно некий художник воплотил в одном облике две разные свои мечты о женщине. Машу он нарисовал вполне уверенной рукой, ее красивые черты были четкими, понятными и правильными: живые яркие глаза, густые брови,

изящный подвижный изгиб линии рта. Женщина с экзотической внешностью. Яркая, упрямая, волевая. Крупная кошка, всегда готовая к прыжку. Ульяну тот же художник запечатлел нежной пестрой ящеркой, замершей под лучами солнца. Такая же экзотическая, но написанная полутонами, без использования ярких красок, она напоминала гурию, томную, затерявшуюся между времен и эпох. Все ее движения были ленивыми и плавными, а взгляд всегда ускользал от собеседника. В одежде пристрастия сестер почти совпадали: обе любили туники, шелка, крупные украшения, но Маша все это позволяла себе лишь тогда, когда не обязательно было носить деловой костюм.

Сегодня, глядя на себя в зеркало, Марьяна долго не могла понять, что ее, собственно, не устраивает. В конце концов она все списала на некий нервный настрой, сочла, что надо меньше об этом думать, накрасилась, как обычно, и пошла на работу такая, как есть. Но когда села в машину и завела мотор, поняла: дело не во внешнем виде. И не в нервическом состоянии. Дело в каком-то тревожном предчувствии. Уля обладала уникальной интуицией и могла предсказать, к чему приведет та или иная жизненная ситуация. Кроме того, она очень остро «чувствовала» Машу, и когда у нее вдруг появлялось «предчувствие», Марьяна знала, что нужно вести себя осторожно и не планировать никакой активности. Марьяну тоже посещали «предчувствия» и «знаки». В день смерти мамы, например, она фатально поперхнулась ягодой и долго не могла начать нормально дышать. Сильно перепугалась сама, испугала окружающих и еще несколько часов приходила в себя. А когда оправилась, узнала, что мама скончалась. Это не было страшной неожиданностью: Алика Ахметовна болела раком печени, и даже всемогущий в области медицины отец ничем не мог ей помочь. Но страшного известия в семье пока не ждали, считалось, что у мамы есть еще несколько месяцев. Сегодня с Машей ничего из ряда вон выходящего пока не произошло, но где-то внутри засела заноза. Это она испортила восприятие книжки, отравила вкус хлеба и сыра, обезобразила отражение в зеркале.

Маша припарковала свой «Мерседес» на месте, специально отведенном для дирекции телеканала, и огляделась по сторонам. Ей не хотелось бы снова увидеть сутулую фигуру Виталия Житко, дожидającego ее у дверей офиса или возле парковки. Не заметив поблизости неказистого силуэта, Марьяна расслабилась, еще раз взглянула на себя в зеркало, поморщилась, вздохнула и приготовилась к вступлению в новый сложный рабочий день, в котором не будет места для тревог и предчувствий, но в котором потребуется максимум внимания и вдумчивости для принятия важных решений.

– Марьяна Юрьевна! – окликнул ее женский голос, и Маша вздрогнула от неожиданности.

Перед ней стояла женщина, лицо которой было ей, безусловно, знакомо, но то ли женщина выглядела как-то не так, то ли возникла она слишком уж неожиданно, но Маша никак не могла ее вспомнить.

– Маша, вы меня не узнаете? Я Вероника Приходько, мы с вами хорошо знакомы, помните...

Женщина что-то быстро заговорила, видимо, напоминая обстоятельства их прошлого общения, но Марьяна уже вспомнила. Конечно, Вероника Приходько, личность довольно известная в городе, потому что участвует в благотворительных организациях, помогающих детям, больным аутизмом и онкологическими заболеваниями. Регулярно посещает благотворительные балы и светские мероприятия, где находит и окучивает спонсоров для больных детишек. Охотно дает интервью. Сама по образованию врач, насколько помнилось Марьяне, она возглавляет какую-то женскую общественную организацию. Исключительно эффектная, яркая блондинка, всегда одетая от самых модных дизайнеров, она больше похожа не на общественницу, а на жену миллионера. Между тем ее мужем является какой-то очень большой полицейский чин, это Маша помнила точно. Хотя должность и не назвала бы: то ли замначальника уголовного розыска, то ли еще выше – замначальника ГУ МВД. Впрочем, в женщине, стоящей сейчас перед Машей, признать Веронику Приходько можно было только по предъявлении пас-

порта. Волосы ее были стянуты в невыразительный пучок, из которого непослушно выбивались в разные стороны упрямые пряди, лицо без тени косметики отличалось бледностью, правая щека заметно подрагивала. Чтобы облегчить Маше узнавание, она сняла огромные навороченные очки с эмблемой «Версаче», открыв воспаленные то ли от слез, то ли от бессонницы красные, опухшие глаза. Одета женщина была в спортивный костюм.

– Маша, я в таком виде, меня, наверное, трудно узнать, но если бы вы знали, какие обстоятельства...

Вероника запнулась, и Маша схватила ее за руку.

– Ну что вы, Вероника, все в порядке, давайте зайдем ко мне, выпьете чашечку кофе, успокоитесь, – предложила Маша. – А еще лучше чаю. У меня есть замечательный чай, китайский, который успокаивает нервы. Я вам коньячку налью, и вы сразу успокоитесь. У вас что-то случилось?

Маша потянула женщину за руку.

– Нет-нет, – запротестовала та, – я не в том виде, чтобы показываться на люди.

– Пустяки! – решительно сказала Маша.

– Простите, Марьяна, у меня совсем нет времени, у меня сейчас каждая секунда на счету, и каждая может оказаться роковой. Я говорю совершенно серьезно.

Маша отпустила ее руку и нахмурилась, только сейчас она заметила, что Веронику трясет, руки ее ходят ходуном.

– Вы уверены, что... – начала Маша, но была прервана.

– Марьяна, я очень вас прошу сделать для меня одну важную вещь, – пробормотала Вероника. – Я прошу вас об этом как руководителя телеканала и просто порядочного человека. Вот, возьмите и сохраните это. Прoderжите это у себя хотя бы день-два.

Она достала из кармана своей спортивной кофты маленький бумажный пакет и протянула Маше. Ее движение было настолько отчаянным, что Маша невольно сделала ответный жест и взяла конверт, хотя в тот момент ее пронзил безотчетный животный страх, и в голове промелькнула подленькая мыслишка: что я делаю, куда вляпываюсь? Маша осторожно взяла в руки конверт, словно это была смертоносная эфа, и спросила:

– Что это? Вероника, вы должны объяснить, зачем передаете это мне и чем я могу вам помочь.

– Я все вам объясню, Машенька, поверьте мне, но сейчас у меня нет ни одной минуты времени, – запричитала Вероника, – меня сюда провожали, но я оторвалась, у меня было форы минута-две, не больше. Я бросила машину перед светофором на Карла Маркса. Не совсем же они тупые, поймут, что я пошла на телевидение... Тогда меня найдут. И это будет прямо сейчас. Поэтому вы простите, но мне нужно исчезнуть. Как только я буду в безопасности, я вам позвоню. Если со мной что-то случится, вы должны передать эту флешку в областное управление ФСБ. И больше никому! Слышите? Если у вас будет запрашивать полиция, ни в коем случае! Никому и ни под каким видом! Только в ФСБ!

Речь Вероники стала сбиваться, она начала лихорадочно оглядываться по сторонам.

– Все, Марьяна, мне нужно бежать...

– Постойте, так, может, вам как раз лучше ко мне? В моем кабинете вы будете в безопасности.

– Нет, так в опасности буду не только я, но и вы...

С этими словами женщина судорожно и довольно жестко сжала Машину руку и бросилась прочь. Маша кинулась за ней и увидела ее заворачивающей в переулок, ведущий к торговому центру и новому огромному жилому комплексу. Вероника бежала без оглядки, хотя за ней никто не гнался...

Как странно, думала Марьяна, поднимаясь по лестнице на второй этаж, к себе в кабинет. Муж у этой Вероники – крутой полицейский, а она мечется по городу в спортивном костюме,

заплаканная, нечесаная, бегаёт, будто за ней крутая погоня... Как в каком-то телесериале. Или она не в себе? Мало ли какие обстоятельства могут нарушить равновесие даже самого спокойного человека! Переданную Вероникой Приходько флэшку нужно срочно просмотреть и принять какое-то решение, чтобы хотя бы понять, что случилось с этой женщиной. Она не просто пустая светская фифочка. Она помогает больным детям, причем делает это с умением и душой. Не может такая женщина ни с того ни с сего впасть в беспричинную истерику. А вдруг у нее и вправду случилось что-то серьезное? Когда Марьяна дошла до своей приемной, план на ближайший час выработался сам собой. Просмотреть флэшку и решить, что с ней делать, – это раз. Второе – поручить секретарю взять у Житко заявление по собственному желанию и подготовить приказ. Пока так.

План Марьяны рассыпался уже через минуту.

Приемная директора была едва ли не самым приятным помещением во всем офисе телеканала. Просторная и светлая, она радовала глаз многочисленными кадками с крупными экзотическими растениями и вдобавок выходила окнами на тихую пешеходную улицу. Стены были украшены картинами местных художников, причем все до одной посвящались городской тематике. Отдельное пространство на стене занимали почетные грамоты и всевозможные награды, которых удостаивалась телекомпания. Мебели здесь предусмотрели ровно столько, сколько необходимо для дела: замысловатый по форме стол секретаря, пара удобных кресел для посетителей, журнальный столик со свежей периодической печатью для них же и несколько стульев для сотрудников, ожидающих вызова в начальственный кабинет. Марьяну подстерегала неожиданность: все стулья для сотрудников и кресла для гостей были заняты.

– Что за ажиотаж? – бросила Марьяна на ходу. – Вы все ко мне?

Посетители дружно встали со своих мест. Вместе с ними встала, бледнея на глазах, и Оля, секретарша.

– Марьяна Юрьевна, авторы передач просят их принять, – залепетала она, – они без предупреждения, поэтому я не смогла сообщить вам заранее.

– Вы все вместе хотите со мной поговорить? – Марьяна окинула взглядом всю делегацию. – У нас будет общий разговор?

– Если вы не против, Марьяна Юрьевна, – подтвердил один из визитеров. – Мы постараемся не отнять у вас много времени, но нам очень нужно именно сейчас разъяснить некоторые моменты. Простите, что мы без предупреждения, так уж получилось.

– Предупреждать о визите – это правило хорошего тона, – заметила Марьяна, – если вы с ним не знакомы, мне очень жаль. Я могла бы, конечно, научить вас ему следовать, но, видимо, уже не сегодня. Хотите поговорить – валяйте.

С этими словами она вошла в кабинет, оставив дверь открытой и дав возможность войти следом всем шестерым авторам закрытых ею телепроектов.

Марьяна заранее знала, что ей скажут, ей не нужно было внимательно слушать, нужно было принять решение. Закрывать передачи, если авторы готовы пересмотреть подход к их производству и финансированию, глупо. Кризис, рекламные обороты падают у всех, разгонять рекламодателей недальновидно и даже преступно. Оставлять все как есть тоже нельзя, да и авторы проектов сами прекрасно поняли, что правила меняются и нужно подстраиваться под новые условия. Виталия Житко они сдали с потрохами в первые же пять минут совещания, заявив, что каждый эфир был оплачен, но не официально в кассу или на счет телеканала, а в соответствии с указаниями коммерческого директора. Выразили готовность привести в порядок дела и следовать требованиям нового творческого руководства, если эти требования появятся. В конце концов Маша устала. Чтобы понять элементарные вещи и сделать напрашивающиеся сами собой выводы, ей не нужно было столько слов и столько времени.

– Во многом я готова с вами согласиться. – Она наконец решилась прервать очередного выступающего. – Если вы дорожите своими взаимоотношениями с нашим телеканалом и готовы следовать правилам, которые здесь будут действовать, мы можем сохранить сотрудничество, хотя нам и потребуется по-новому взглянуть на упаковку ваших передач, на форму подачи в эфир и даже на внешний вид некоторых ведущих. Но это детали, которые обсудим в рабочем порядке. Я благодарю вас за визит и понимание.

Лица членов делегации разгладились, повеселели. За исключением девушки, которая на протяжении всего собрания витала в виртуальных пространствах, не отрываясь от смартфона, все мило улыбнулись Марьяне, вежливо раскланялись и бесшумно прикрыли за собой дверь.

А ведь теперь уволить Житко по собственному желанию у меня, пожалуй, не получится, подумала Марьяна. Шесть передач – это шесть коммерческих контрактов. Оставив передачи в эфире, Марьяна сохранит постоянных рекламодателей, перенаправит денежные потоки в нужное русло. Но одновременно это станет почти официальным признанием неправомерных действий бывшего руководства. На этом фоне просто отпустить Житко будет неправильно. Но и связываться с ним ей не хотелось. Надо вызвать юриста и окончательно решить, как поступить.

Мысли о флэшке, которую передала ей Вероника Приходько, начисто вылетели у Маши из головы. Очень захотелось поговорить с Улей. И желательно не по телефону.

Ульяна отозвалась не сразу, после шестого гудка, и голос у нее был взволнованный, даже правильное было бы сказать, что звучал он встревоженно. Марьяна почувствовала напряженную интонацию с первого же слова.

– Что-то случилось? – спросила она сестру.

– Пока не знаю, – ответила Уля. – Вернее, не так. Ничего не случилось в событийном смысле. Но что-то все-таки произошло. Мне нужно тебе кое-что показать.

– Что-то неприятное? – приготовилась Маша.

– Почему ты так решила?

– Голос у тебя как-то такой... Ты чем-то расстроена? Что тебя беспокоит?

– Скорее, сильно удивлена, – рассеянно пробормотала Уля, отстранившись от трубки, отчего ее голос зазвучал еще глуше. – А беспокоит все то же, что и вчера. Просто я тут кое о чем подумала и хочу принять одно решение. Слушай, Машка, у меня сейчас крыша поедет, мне нужно срочно тебя увидеть. Ты не хочешь приехать ко мне? Есть такая производственная возможность?

– А у тебя есть чем пообедать? – задала Маша резонный вопрос.

– Надо пойти посмотреть в холодильнике...

– Все ясно, значит, ничего нет, – сделала вывод Марьяна. – Чего ж ты меня тогда приглашаешь? Может, куда-нибудь сходим?

– Давай тогда лучше я к тебе приеду. Да, и еще один момент... Возможно, мне понадобится твой архив фотографий. Не из телефона. Старый. Да, всего лучше встретиться у тебя. Или у тебя тоже нечем пообедать?

– У меня как раз есть вчерашняя куриная лапша, но если это тебя не устроит, я могу захватить роллы, напротив моего дома открылся новый японский ресторан. В два тебе удобно?

– Мне и в час удобно, и в два, – ответила сестра. – Давай так: я приеду в районе часа и буду тебя ждать, как сможешь, подтягивайся. Бери роллы и лапшу с креветками. Твою лапшу я не хочу.

– Какие мы утонченные! – хмыкнула Марьяна и отключилась, радуясь, что совсем скоро увидит сестру.

После окончания разговора Марьяна Юрьевна пригласила в кабинет юриста, который минуту назад уже просовывал голову в дверь, показывая, что явился по вызову начальства. Выяснилось, что слухи в телекомпании распространяются с молниеносной скоростью, и юрист

уже в курсе практически всего происходящего. Даже подробности сегодняшнего разговора с делегацией были ему известны. Марьяна просидела с ним долго и не заметила, как пролетело время. Спихватилась в час, когда секретарша попросилась пойти пообедать.

Наконец, Марьяна осталась в кабинете одна. Пора было ехать домой, Уля уже наверняка на месте и ждет ее, хочет поделиться чем-то, что ее так взволновало. Маша встала со стула и чуть не шарахнулась навзничь от внезапного, резкого приступа головокружения. Во рту мгновенно появился металлический привкус, накатилась сильная тошнота. Она замерла на месте, сделала несколько глубоких вдохов-выдохов, чтобы прогнать необъяснимую дурноту. Осторожно дошла до холодильника и налила себе стакан холодного нар-зана, сделала несколько жадных глотков, но легче почему-то не стало. Маша не была подвержена вегетативным расстройствам, не жаловалась на сосудистые спазмы и сейчас не могла объяснить свое внезапное плохое самочувствие. Головокружение было таким сильным, что пришлось снова сесть в рабочее кресло, откинуть голову. Через несколько минут приступ понемногу стал отступать, однако сесть за руль в таком состоянии Маша не решилась, предпочтя воспользоваться служебной машиной с водителем. Сидя на заднем сиденье удобной новенькой «Тойоты», Марьяна констатировала, что тошнота отступила, но на смену ей пришло еще более гадкое состояние безотчетного страха, причина которого была ей совершенно непонятна. Неужели приступ дурноты мог так сильно ее напугать? Маша и раньше боялась некоторых вещей, например, потерять сознание где-нибудь вне дома. Но сейчас дело было в чем-то другом. На нее отчетливой тенью напал безотчетный, ирреальный, какой-то мистический ужас. У монстра не было четких очертаний, даже его природу понять было невозможно. Просто вдруг затряслись руки, пересохло в горле, и часто-часто забилося сердце. Что со мной происходит? Что за фигня? – думала Марьяна Юрьевна, подъезжая к дому и надеясь, что свежий воздух поможет ей прийти в себя.

Глава 2

Сергей Алексеевич Поповкин очень не любил дела, в которых так или иначе фигурировали его коллеги, юристы. Следователи, адвокаты, прокурорские. Юридический мир, такой обширный и многочисленный, на самом деле был очень узок, все в той или иной степени знали друг друга, где-то когда-то пересекались, учились, дружили, а то и вовсе состояли в родстве. А дело, над которым он работал уже несколько месяцев, юристами просто кишмя кишело.

Началось все с дерзкого убийства, получившего в области огромный резонанс. В одном из модных ночных клубов был жестоко убит молодой человек, Юрий Сазонов. Он отдыхал в компании приятелей, когда рядом с их столиком начал разгораться конфликт. Некий слегка подвыпивший посетитель закурил в зале, что было запрещено правилами, ему сделали замечание, но он не пожелал выйти покурить в другое место, послал администратора клуба куда подальше. Сазонов, будучи в прошлом сотрудником спецслужбы, тоже сделал нахалу замечание, на что посетитель ответил уже откровенным хамством. Сазонов нагло в свой адрес терпеть не захотел и вежливо, но настойчиво вывел гражданина Дубова (такова оказалась фамилия наглеца) на крыльцо – кури, мол, здесь. Отвернулся и собрался было возвратиться в зал, но получил несколько ударов ножом в спину прямо под объективами видеокамер. Потерпевший скончался через несколько минут, а Дубов с места происшествия исчез. Его разыскивали через Интернет, видеопроисшествия. Фотографии убийцы были размещены друзьями потерпевшего во всех социальных сетях. И вскоре преступника опознали, а затем и задержали. Он прятался на даче у друзей, находясь в состоянии наркотического опьянения. Вину долго не признавал, показания давать отказывался. Никакого сотрудничества со следствием, никаких смягчающих обстоятельств. Однако через месяц после ареста районный суд выпустил Дубова под домашний арест. Областная судебная инстанция также отвергла доводы следствия и прокуратуры и подтвердила мягкую меру пресечения. Кто-то из друзей погибшего сумел сфотографировать находящегося под домашним арестом Дубова разгуливающим по улице, социальные сети взорвались возмущением, у областного суда выстроились пикетчики с плакатами «Сколько стоит правосудие?» и «Судьи, имейте совесть!». Защиту Дубова осуществляла адвокатская контора «Котин и К^о».

Примерно в то же время название этой юридической фирмы прозвучало еще в одном громком уголовном деле. Перед выборами в областную думу, буквально накануне дня голосования, местным управлением ФСБ был задержан один из кандидатов, Андрей Клементьев, в прошлом полицейский, теперь державший самый крупный в городе сутенерский бизнес. В его сеть входили домашние «офисы» с девочками, бани, специализировавшиеся на интимных услугах, несколько десятков точек на трассе вокруг города, салоны тайского массажа с обслуживающим персоналом обоих полов. В ходе следствия Клементьеву были предъявлены и другие обвинения. Несостоявшийся депутат просидел под стражей две недели, после чего был выпущен судом под домашний арест, что вызвало бурю в местных СМИ, история дошла даже до центральных газет. Защиту Андрея Клементьева осуществляла все та же адвокатская фирма «Котин и К^о». Более того, оказалось, что и сам обвиняемый имел удостоверение адвоката этой конторы. Против такой меры пресечения категорически возражало следствие, прокурор области направлял в суд протест, однако Андрей Клементьев оставался дома. Терпение силовиков лопнуло, когда в один прекрасный день, ранним утром, был убит Владислав Зоткин, ближайший компаньон Андрея Клементьева, попытавшийся, как подозревали правоохранители, в отсутствие лидера подмять под себя остатки некогда прибыльного бизнеса. И знавший, куда вложены и где находятся еще не обнаруженные следствием миллионы, нажитые торговлей живым товаром. Никто не сомневался, что Клементьева выпустили из-под стражи именно

для того, чтобы он «решил вопрос» со своим компаньоном. Вот тогда дело о сутенерстве приняло совсем иной оборот. Очень скоро после собеседования в Верховном суде был отправлен в отставку председатель областного суда и его заместитель по уголовным делам. Последовала череда арестов адвокатов по самым разным статьям: за попытку дачи взятки следователю, за мошенничество, за посредничество при передаче взятки сотруднику прокуратуры. Оперативниками были добыты материалы, свидетельствующие о том, что в области существует преискурант на оказание коррупционных услуг в сфере правосудия и что роль посредников чаще всего играют защитники. Девять судей из судов разного уровня подали в отставку. Разбухало и разрасталось следствие по делу Клементьева. Оно давно перестало быть просто криминальной историей о сутенерстве, в поле зрения правоохранительных органов попадали все новые и новые персоны, в том числе высокопоставленные должностные лица из полиции. Росла роль в этом деле и адвокатской фирмы «Котин и К^о», основателями которой оказались дети весьма уважаемых в области титулованных юристов. В ходе следствия было установлено, что Андрей Клементьев активно выступал не только на сутенерском поприще. Он оказался еще и одним из самых активных «решал» – людей, осуществлявших посреднические функции между заинтересованными сторонами в вопросах, где требовалось коррупционное решение. Спектр услуг был солидным и не ограничивался только системой правосудия, а охватывал также широкий круг тем, связанных с градостроительными вопросами. Следствие по делу Клементьева и убийству Владислава Зоткина объединили в общее производство, и вел его Сергей Алексеевич Поповкин.

Мысли Сергея Алексеевича невольно сползали на дочь Наташку. Сейчас ей 28. Все у нее идет как надо – ровно, гладко, без взлетов, но уверенно. Она мечтает стать судьей, наработывает опыт. Сергей Алексеевич иногда посмеивается над ней, слишком уж она порой умничает, так и в сухую воблу превратиться недолго. С замужеством не торопится, маринует своего сердечного друга, тянет из него жилы... Зачем? А если ему надоест, и он возьмет да и найдет себе кого попроще? Другого такого терпеливого зануды Наташке не встретить, в этом уж Сергей Алексеевич уверен. А может, пусть умничает? Все же лучше, чем оказаться в такой вот адвокатской конторе и работать на передаче взяток судьям и прокурорам. Нет, думал Сергей Алексеевич, его Наташку такой перспективой не соблазнишь. Хотя среди арестованных «решал», которых насчитывалось уже девять, оказались дети вполне заслуженных, уважаемых в профессии людей, даже профессоров, старейшин, законников по призванию.

Сергей Алексеевич заставил себя встряхнуться, отогнать прочь неприятные мысли и погрузился в подготовку к предстоящему допросу. Когда раздался телефонный звонок по внутренней линии, он почувствовал досаду. На пять минут к заместителю руководителя управления не вызывают, и по пустякам его бы сейчас дергать не стали. Значит, что-то случилось.

В ходе расследования уголовного дела об убийстве Владислава Зоткина, ближайшего компаньона сутенера Андрея Клементьева, в поле зрения сотрудников ФСБ попали некоторые высокопоставленные сотрудники полиции. В текущий момент велась разработка подполковника Леонида Петровича Приходько, заместителя начальника управления уголовного розыска. Его подозревали в организации заказного убийства этого самого Владислава Зоткина. Были основания считать, что преступление совершено молодым сотрудником, которого связывают с подполковником доверительные отношения и который действовал по прямому указанию своего куратора.

В кабинете руководства уже сидели сотрудники ФСБ: замначальника отдела и оперативник, который работал по делу Андрея Клементьева. По их напряженным лицам Сергей Алексеевич понял, что предчувствия его не обманули – что-то произошло. Что-то такое, что требовало обсуждения на уровне руководства следственного управления. И если бы руководитель не был сегодня в командировке в столице, совещание, скорее всего, проводилось бы у него.

– Сегодня в 12 часов двадцать минут, – начал старший по званию, – на пересечении улицы Чайковского и переулка Революции 1905 года был совершен наезд на гражданку Веронику Георгиевну Приходько. Она пересекала улицу на разрешающий сигнал светофора, столкновение произошло у самой кромки тротуара. Автомобиль двигался на высокой скорости, очевидцы утверждают, что улица была свободна, никакого другого транспорта в тот момент на дороге не было. Машина была темного цвета, номера заляпаны грязью, марка предположительно «Киа Рио». На месте работают сотрудники ГИБДД, с ними наш оперативник.

– Женщина жива? – глухо спросил Сергей Алексеевич.

– Пока да, – кивнул фээсбэшник, – но травмы тяжелые. Она успела кое-что сказать перед тем, как ее загрузили в «Скорую»...

– Это хорошо, что успела, – прервал его Поповкин. – Но сейчас, я полагаю, она без сознания?

– Да, Сергей Алексеевич, без сознания, – печально констатировал представитель серьезного ведомства.

Сказать Вероника Георгиевна успела немного, но даже те несколько фраз, которые смог расслышать врач «Скорой помощи», могли оказаться бесценной помощью следствию. Молодой доктор уверенно сообщил, что пострадавшая, схватив его за рукав халата, произнесла: «Я отдала флэшку на телевидение». Затем дважды повторила одни и те же слова: «Заберите флэшку у Карелиной». И, наконец, отчетливо сказала: «Сообщите в ФСБ». После этого она отключилась. Слова о телевидении и Карелиной могли означать только то, что Вероника Приходько передала некий электронный носитель руководителю телеканала «Спектр» Марьяне Юрьевне Карелиной. Других Карелиных в местной телевизионной сфере не было. Видимо, эта флэшка имела большое значение, раз в таком состоянии Вероника нашла в себе силы о ней сообщить.

– К Карелиной уже съездили? – нетерпеливо спросил Сергей Алексеевич. – Флэшку изъяли?

Перед ним сейчас не сидел бы этот важный фээсбэшный подполковник, если бы Веронику Приходько сбил случайный водитель. Значит, она располагала какими-то сведениями о своем муже, и эти сведения имеют значение для расследования дела о заказном убийстве. Не совсем ясно, каким образом жена оказалась в курсе криминальной деятельности мужа: специально за ним следила, собирала компромат или случайно узнала о его причастности и испугалась? Информация с флэшки должна прояснить эти вопросы.

– А вот тут начинается нечто совсем уж интересное, – изобразив на лице выражение, призванное максимально заинтриговать коллег, ответил подполковник. – Мы сразу же отправились к Карелиной, но на рабочем месте ее не оказалось. По словам секретаря, Марьяна Юрьевна поехала обедать. Секретарь была точно уверена, что та поехала домой, потому что Карелина сказала, что плохо себя почувствовала и намерена принять таблетку и полежать.

– Ее не предупредили звонком? – поинтересовался Сергей Алексеевич.

– Не было нужды, – ответил подполковник, – наши сотрудники подъехали к ее дому через несколько минут и обнаружили, что дверь в квартиру Марьяны Юрьевны не заперта.

– Только не говорите, что вы обнаружили в квартире труп, – невесело усмехнулся Сергей Алексеевич.

– Именно так, – коротко ответил подполковник, – труп.

– Чей? – ошеломленно спросил Сергей Алексеевич. – Марьяны Карелиной?!

– Наши сотрудники подумали именно так, – ответил чекист, – но буквально через несколько минут все разъяснилось. Марьяна Юрьевна зашла в квартиру сразу после оперативников.

– И что?

– Да ничего, упала в обморок.

– Так труп-то чей?! – повысил голос Сергей Алексеевич. – Или не установили?

– Установили, – кивнул подполковник, – там и устанавливать нечего. В квартире Карелиной нами был обнаружен труп ее сестры Ульяны Юрьевны. Да, и еще одна деталь: Карелины – сестры-близнецы.

– Час от часу не легче! – вздохнул Сергей Алексеевич Поповкин.

На минуту в кабинете повисло молчание.

– Ульяну Карелину могли принять за ее сестру, тем более что находилась она в ее квартире, одетая в домашний халат, – неуверенно продолжил подполковник ФСБ Михаил Иванович Дворянчиков. – Каким-то образом заинтересованным лицам стало известно, что Вероника Приходько передала Марьяне Карелиной компрометирующие материалы. Эти лица вполне могли попытаться застать директора телекомпании на рабочем месте, но кто-то досужий мог сообщить, что Марьяна Юрьевна уехала на обед. И тогда ее навестили. Вот как-то так...

– И что же? – поднял глаза на собеседника Сергей Алексеевич. – Допустим, преступники потребовали выдать флэшку, получили от сестры отказ, ведь она вообще не в курсе, возможно, она им объяснила, что они ошиблись... Убивать-то ее зачем? Флэшку ведь они от нее так и не получили. Надо ехать разговаривать с Марьяной Юрьевной.

Сергей Алексеевич поднялся с места, руководитель жестом показал ему, что одобряет необходимость срочного разговора, и даже произнес какие-то напутственные слова, которые следователь Поповкин уже не слышал.

– Пожалуйста, не задерживайте меня надолго, – взмолилась Марьяна, бросившись навстречу Сергею Алексеевичу, как только он вошел в квартиру. – Мне велели дожидаться вас, я все понимаю, это необходимо, но у отца уже было шунтирование, у него очень серьезные проблемы, я должна находиться с ним рядом, чтобы оказать помощь, если ему станет плохо.

– А ему уже сообщили? – коротко спросил следователь.

– Я ничего не сообщала, – отрицательно помотала головой Марьяна.

– Значит, он еще ничего не знает, – попытожил Сергей Алексеевич. – Я вас надолго не задержу, но несколько вопросов мне нужно задать именно сейчас.

– Да вы не понимаете! – на глазах у женщины выступили слезы. – Он узнает сразу же, как только тело Ули привезут в морг. Он медик, у него огромные связи в этом мире, в том числе и в судебной экспертизе. Ему сразу же скажут!

Сергей Алексеевич нахмурился.

– Тогда у нас с вами действительно совсем немного времени, Марьяна Юрьевна, – согласился он. – И давайте не будем его тратить попусту. Официальный допрос мы проведем позднее, а сейчас скажите мне, пожалуйста, что передала вам Вероника Приходько сегодня утром?

– Вероника была не в себе, я даже не сразу ее узнала, – начала объяснять Маша. – Мы с ней не подруги и даже не приятельницы, но приходилось общаться на разных мероприятиях, акциях... Одним словом, это не главное. В общем, обычно она очень стильно одета, носит только дорогие брендовые вещи, эффектные украшения, а сегодня была какая-то взлохмаченная, в спортивном костюме, без косметики и какая-то напуганная, что ли. Я предложила ей зайти ко мне в кабинет, но она сказала, что ей угрожает опасность и она не хочет подвергать риску еще и меня. И дала мне конверт, сказала, что в нем флэшка, которую следует передать в ФСБ, если с ней что-то случится.

– Именно в ФСБ? – уточнил следователь.

– Да, – уверенно подтвердила Маша. – И ни в коем случае не в полицию. Так она сказала.

– Она не разъяснила, что за информация содержится на этой флэшке?

– Нет, больше она ничего не сказала.

– Вы просмотрели носитель?

– Нет, у меня сейчас довольно напряженный момент на работе, – торопясь, проговорила Марьяна, – производственные конфликты, ну, в общем, все такое... И у меня было незапланированное совещание. А потом я просто забыла, столько всего навалилось...

– Дома у вас была назначена встреча с сестрой? – уточнил Сергей Алексеевич. – Ваша сестра знала, что вы должны приехать?

– Да, мы договорились вместе пообедать, – ответила Маша и бросила взгляд на коробку с роллами и наполовину выпавшие из пакета упаковки с давно остывшей лапшой. Сергей Алексеевич, с некоторых пор очень увлекшийся японской кухней, узнал бренд популярной сети.

– Вы собирались встретиться по какому-то поводу или просто так?

– Просто так, – тихо проговорила Маша, – соскучились. Мы не могли подолгу не видеться. И Уля хотела мне что-то показать... Или посмотреть какую-то старую фотографию. Ну, в общем, это неважно.

Сергей Алексеевич понял, что еще немного, и дальнейший разговор станет невозможным – женщина вот-вот расплачется.

– Марьяна Юрьевна, кто-то знал, что вы едете обедать домой?

Маша только пожала плечами.

– А о том, что сестра находится в вашей квартире, кто-нибудь знал? – продолжил следователь.

– Да откуда? – отмахнулась Маша. – Кому мне сообщать-то? Я никому не докладываю, куда еду обедать и с кем. Никто не знал.

– Вас с сестрой легко было спутать? – осторожно спросил Сергей Алексеевич. – Вы ведь были близнецами.

– Спутать нас было очень легко, но только тому, кто нас плохо знал. – Маша уже с трудом произносила слова. – Мы с Улей были очень похожи, но мы были очень разными, если вы понимаете, о чем я. Мы одевались по-разному, причесывались... А вы думаете, что это меня хотели убить?

Маша вдруг остолбенела.

– Я пока не знаю, – честно сказал Сергей Алексеевич. – Для того чтобы делать какие-то предположения, мне нужно задать вам еще много вопросов. Пока на поверхности только одно: Вероника Приходько передала вам некую информацию, которую заинтересованные лица считали для себя смертельно опасной. Они узнали об этом и сделали попытку изъять флэш-карту. И приняли вашу сестру за вас.

– В этом случае мне и сейчас угрожает опасность? – выдавила Маша. – Ведь никакой флэшки у Ули не было.

– Да, и это меня сильно беспокоит, – согласился Сергей Алексеевич. – Утешает лишь то, что преступники уже знают о своей ошибке и прекрасно понимают, что флэш-карту у вас уже изъяли.

– Но ведь они могли подумать, что я ее видела...

– С электронным носителем сейчас работают сотрудники ФСБ, – сказал Сергей Алексеевич уже более уверенным тоном, – и если содержащаяся на карте информация действительно серьезна, то преступникам уже не до вас, поверьте. И вопрос это уже не дней и, скорее всего, даже не часов...

– Тогда мы узнаем, кто убил Улю?

– Если мотив убийства именно в карте, то да, – пообещал Сергей Алексеевич. – Поезжайте к отцу, Марьяна Юрьевна, боюсь, вы ему сейчас действительно необходимы. А мы с вами более обстоятельно побеседуем позже. Только будьте добры, поделитесь, пожалуйста, вашими фотографиями.

– Моими? А зачем они вам?

– Не только вашими, но и вашей сестры, это очень важно.

– Я поняла, – кивнула Марьяна. – Но у меня нет фотографий в бумажном виде. Если вы дадите электронный адрес, я пришлю их по почте.

Сергей Алексеевич протянул Марьяне свою визитную карточку. Маша посмотрела на нее невидящим взглядом, потом подняла глаза на следователя. В них читалась немая мольба и мучительный вопрос.

– Марьяна Юрьевна, вы знаете, кто мог бы хотеть вашей смерти?

Маша пожала плечами.

– Нет, – неуверенно сказала она.

– А у Ульяны были враги?

Красивое лицо Маши исказила гримаса боли.

– Какие враги?! – воскликнула она. – Улю никто не мог ненавидеть, она была такая... Как вам сказать... В общем, она была неземная. Как птичка или бабочка. На нее ни у кого не поднялась бы рука...

Маша заплакала. Горько и судорожно. А Сергей Алексеевич подошел к экспертам – они уже закончили свою работу, и торопить их не пришлось.

Как и боялась Маша, отец получил страшное известие еще до ее появления. Она вышла из служебной машины, когда на дисплее ее телефона высветился его номер. Маша не смогла ответить, не было сил нажать на зеленую кнопку. Она сбросила вызов, тем более что находилась в подъезде отцовского дома и до их встречи оставались секунды.

Юрий Петрович уже открыл дверь в квартиру и стоял на пороге – увидел ее служебную «Тойоту» под окнами.

– Маша, этого не может быть! Это какая-то ошибка! Ты ее видела?

Маша молча шагнула через порог, стараясь не прикасаться к отцу и не смотреть ему в глаза.

– Это ошибка, Маша! Надо немедленно все выяснить!

– Это не ошибка, папа, – тихо проговорила она.

– Ты ее видела?! – повысил голос отец. – Ты ее видела своими глазами?!!

– Да, папа, я ее видела.

Отец покачнулся, но Маша успела подхватить его и довести до дивана. Он задыхался, и что с ним делать, Маша решительно не знала.

– Я вызову «Скорую», подожди, папочка, – зашептала она, – продержись чуть-чуть.

– Нет, не надо, дай мой телефон, – пробормотал он, вытянув руку в поисках телефонной трубки.

Телефон лежал здесь же, рядом с диваном, на журнальном столике.

– Найди номер Петра Ивановича, звони ему, пусть пришлют машину, в другую больницу я не поеду.

Маша знала, кто такой Петр Иванович, и не боялась сдавать отца в его надежные руки. Она позвонила, сказала, что привезет папу на своей машине, но Петр Иванович запретил, посчитав, что более надежным будет прислать за Юрием Петровичем кардиологический реанимобиль. Через полчаса Маша уже ехала в больницу, держа отца за руку и внимательно глядя в его лицо, прислушиваясь к дыханию.

– Не бойся, я еще не умер, – прошептал отец, почувствовав пристальный взгляд дочери.

– Ты не умрешь, папа, – тихо сказала она, – это надо выдержать, надо попробовать пережить.

– А смысл?

Юрий Петрович замолчал, прикрыл веки, из уголков которых немедленно потекли два тонких ручейка слез. Маша подумала, что весь оставшийся путь до больницы пройдет в молчании.

– Я вот чего не пойму, – вдруг неожиданно четко произнес Юрий Петрович. – Если Улю убили в твоей квартире, значит, убить хотели тебя? Вас перепутали?

– Я не знаю, папа, ответа на этот вопрос пока нет.

– Будь осторожна, Маша, попроси кого-нибудь побыть с тобой, позвони Мише, я не знаю, кому еще можно позвонить...

– Мише? – изумилась Марьяна. – Зачем мне Миша? Чем он мне поможет?

– Так мне будет спокойнее, – выдохнул отец.

– Раньше ты не больно-то его жаловал, – заметила Маша.

– Я всего лишь человек, я могу и ошибаться, – сказал Юрий Петрович.

Маша хотела возразить, но не успела – реанимобиль уже въезжал в ворота областной больницы.

Меньше чем через час больничные хлопоты были закончены. Юрия Петровича по самому высокому указанию поместили в реанимацию под особый надзор, и врач, взявший его на попечение, отпустил Машу домой. Она пробовала сопротивляться, порывалась остаться в больнице, но скоро поддалась уговорам медиков. Сидение в коридоре не имело никакого смысла, Юрием Петровичем занимались, а Маша только путалась под ногами. Она договорила, что о любом изменении состояния отца ей будут сообщать, и решила ехать домой. Страшный день пролетел незаметно, когда Маша вышла из больницы, было уже темно. Она достала из сумки телефон – половина одиннадцатого ночи. Воздух на больничной территории был изумительно свежим, сосновым. Поднялся ветер, и за высокими кронами вековых деревьев Маша почти не видела неба. Водитель дождался ее у шлагбаума, значит, сто пятьдесят – двести метров она может пройти пешком, подышать хвойными ароматами. Марьяна сделала несколько шагов, высокие сосны расступились, показалось чернильное небо без единой звездочки. Только сейчас, оставшись в одиночестве, Марьяна, ошеломленная событиями дня, опустошенная и отупевшая от горя, наконец, заплакала. «Где ты, Уля?» – спрашивала она черное, видневшееся между соснами небо.

– Марьяна Юрьевна, пойдете. – Олег, водитель «Тойоты», бережно взял ее под руку и повел к автомобилю. – Вы уж давно так стоите, а вам надо лечь, отдохнуть.

В дороге Маша снова беззвучно плакала, глядя на проносящиеся мимо почти опустевшие улицы. Ей нужно было продержаться еще несколько минут, пока она не окажется одна, пока не сможет дать волю своим чувствам. Маша с нетерпением ждала этой минуты, но только войдя в подъезд, поняла, как она ошиблась. Она не сможет войти в свою квартиру – сегодня не сможет. Во-первых, она совсем забыла, что квартира опечатана, и еще днем ее просили провести эту ночь в каком-то другом месте. Во-вторых, даже если бы она могла войти, она не смогла бы сейчас увидеть диван, на котором лежало Улино тело – безнадежно неподвижное, застывшее, с запрокинутой головой...

Маша попыталась отогнать прочь страшное видение, но из груди вырвался судорожный вопль. Не меньше трех минут ушло на поиски телефона – руки дрожали, глаза застилали слезы, в конце концов, телефон нашелся, но сразу же выскользнул из рук, звонко удавшись о ступеньку. Маша подняла его – нет, не разбился. Она долго тыкала в кнопки, пока, наконец, не нашла в списке контактов нужный номер.

– Миша, не спишь? Можешь приехать ко мне? Очень срочно.

– Что случилось? – послышался в трубке встревоженный голос ее первого мужа. – Что-то произошло?

– Да, произошло, – почти прорыдала в трубку Маша.

– Что-то с папой?

– И с папой тоже... Может, тебе неудобно? Или ты не один? – нетерпеливо, с нескрываемым раздражением выпалила она.

– Да один я, один, – буркнул Миша. – Буду через десять минут. Где ты?

– Я жду у подъезда, – ответила Маша и, прежде чем отключиться, засекала время. Если Миша будет ехать дольше, чем десять минут, она умрет.

Марьяна промаялась пятнадцать минут, непрерывно глядя на дисплей смартфона и радуясь хотя бы тому, что не поступает звонок из больницы, пока, наконец, во двор не въехал Мишин джип, пожилой, но тщательно ухоженный. Бывший муж вывалился с водительского сиденья, бегом преодолел расстояние до Машиного подъезда и подскочил к бывшей жене в тот момент, когда она уже готова была свалиться ему на руки без чувств.

– Что произошло? – испуганно выдохнул он, обдав ее волной давно забытого мужского парфюма, названия которого Маша уже не помнила, но который в свое время очень любила. – Только постарайся без воплей, ладно? Скажи, что случилось, потом будешь рыдать.

Мишин голос, как всегда, подействовал успокаивающе. Марьяна глубоко вздохнула и выпалила на одном дыхании:

– Ульяну убили в моей квартире, задушили сегодня в районе часа дня. У папы сердечный приступ, он в реанимации.

– Боже мой, почему ты не позвонила раньше?! – ошарашенно проговорил Миша. – Как ты со всем этим прожила целый день? Идем-ка...

Миша обхватил Марьяну за плечи и проследил, чтобы она в темноте не споткнулась. Уткнувшись в плечо бывшего супруга, Маша немедленно разрыдалась, теперь можно было и раскиснуть – теперь рядом Миша, и он обо всем позаботится... На него всегда можно было положиться.

По ночным улицам доехали довольно быстро, поднялись в Мишину квартиру, небольшую, но очень уютную для холостяка, Миша засуетился, захлопал дверцами шкафов и кухонных ящиков. В руках Марьяны появился клетчатый плед, на кухне засипел электрический чайник. Мишина квартира осталась почти такой же, какой Марьяна помнила ее со старых времен. Уютно светился торшер, расписанный причудливым узором из бабочек и листьев, робуста, которую Маша помнила еще подростком, послушно сидящим в маленькой коричневой магазинной плошке, разрослась до гигантских размеров, почти достигнув кроной высокого потолка. Листья фикуса были заботливо протерты и сверкали чистотой и свежестью. На части стены, примыкающей к окну, по-прежнему красовался Машин портрет. Он не был традиционным, строго говоря, это был вообще не портрет. На стене было нарисовано небо. С облаками, косяком птиц, отблесками садящегося за горизонт солнца. И во всем этом угадывались черты женского лица: раскосые глаза, широкие скулы. Это было лицо Марьяны.

Миша принес из кухни поднос, поставил его на журнальный столик, подвинул к дивану так, чтобы Маше было удобно дотянуться. На подносе оказались две чашки чая, благоухающего чем-то экзотическим, блюдо с любимыми Машинными конфетками с марципаном и две маленькие рюмки. В руке Миша держал початую бутылку «Мартеля».

– Тебе надо выпить и съесть конфету, ничего другого ты, наверное, не сможешь, – сказал он, – и чаю попробуй попить, он успокаивающий. А потом расскажешь мне то, что получится.

Марьяна послушно опустошила предложенную рюмку, съела конфету, глотнула горячего чая.

«Если бы не смерть Ули, мне было бы здесь очень хорошо, – подумала она. – Или я не оказалась бы здесь, если бы не смерть Ули?»

После третьей рюмки Маша смогла говорить. Она с удивлением обнаружила, что слова льются из нее хоть и сбивчиво, но без судорожных всхлипываний и рыданий. Мишино присутствие действовало на нее, как всегда, успокаивающе. Она рассказала бывшему мужу о странной

встрече с Вероникой Приходько, о конверте с какой-то ценной информацией, о котором она забыла сразу же, как только положила его в сумку. Но забыла совсем не потому, что ей было все равно, а потому что на новой работе происходит нечто несусветное. На телеканале царили правила «черной кассы», в которой крутились очень даже приличные деньги, а ей теперь нужно все упорядочить, вывести из тени и при этом не забывать о творческом процессе, нужно сделать передачи яркими и исполненными на высоком профессиональном уровне, но на все это требуется время и силы. А ее заставляют разгребать кучи чужого дерьма. А Уля звонила еще вчера вечером и говорила что-то... Но Маша не помнила, что именно, зато сегодня Уля хотела встретиться и посмотреть старые Машины фотоальбомы. Зачем? Она не объяснила. Она что-то хотела рассказать, но не успела...

– Выходит, следовательно, с которым ты говорила, приехал к тебе, то есть по факту убийства Ули, потому что тут заподозрили связь с каким-то другим делом? – настороженно спросил Миша.

– Да кто ж мне скажет! – воскликнула Марьяна. – Это же тайна следствия. Я не знаю, кто там фигурирует, но я знаю, что муж этой Вероники – большой чин в ГУВД. И на флэшке содержалась информация, которая, видимо, его в чем-то уличает.

– Почему ты так думаешь?

– Ну а как иначе? В любом другом случае Вероника обратилась бы к своему мужу. Уж кому, как не ему, доверить ценные сведения конфиденциального характера? Если же она прибежала ко мне, хотя мы с ней знакомы только шапочно, значит, к мужу с этим идти не могла. И еще она была сильно напугана. И предупредила, что в случае чего эту флэшку нужно передать в ФСБ. Главное – не в полицию, а именно в ФСБ. Значит, информация, которая на ней содержалась, компрометирует именно ее мужа или близких ему людей. Только так я могу все это объяснить.

– Значит, эти люди могли приехать к тебе домой за этой самой флэшкой... – задумчиво произнес Миша. – Но почему именно домой? Не проще ли было встретить тебя где-то по дороге? Когда ты поехала обедать?

– Мы с Улей договорились, что она приедет ко мне около часа дня, – ответила Марьяна, – я освободилась примерно в полвторого, но сразу домой не поехала – накатил дурнота какая-то, голова закружилась. Я немного посидела, пришла в себя и решила ехать на служебной машине.

– И сразу поехала домой?

– Нет, заехала по дороге в аптеку, купила бетасерк – он помогает от головокружений, – объяснила Маша, – потом мы немного постояли в пробке, а потом я пошла в суши-бар рядом с домом, чтобы заказать роллы и лапшу с креветками. И долго ждала заказ. Очень долго.

– Сколько? Не помнишь?

– Не меньше получаса, – вспомнила Маша, – потому что я устала и даже обругала их... А почему ты спрашиваешь?

– Просто хочу понять, мог ли кто-то, узнав, что ты поехала обедать домой, приехать к тебе раньше тебя самой.

– Мог, – не раздумывая, ответила Марьяна, – я долго ехала. И все время ждала звонка от Ульяны, думала, она уже злится. Но она не звонила. Я даже удивилась почему. А теперь понятно. Ее просто уже не было в живых.

На этих словах запас выдержки у Маши закончился, и она завалилась на диван.

– Все, на сегодня разговоры окончены, – попыток Миша, беря ее на руки, чтобы перенести в спальню. – Я тебя уложу тут, а сам устроюсь на диване. Если что, зови – я услышу. Тебе нужно поспать. Завтрашний день будет не легче сегодняшнего.

– Улю надо похоронить, – вдруг встрепенулась Марьяна. – Ты мне поможешь?

– Это только когда следователь разрешит, – ответил Миша, – мне так кажется. Я, конечно, не специалист в подобных вопросах, но думаю, что завтра тебе Улю никто не отдаст. Там же, наверное, экспертизы и все такое... Но ты не волнуйся, я буду рядом. И все, что нужно, сделаю.

– Спасибо, Миш, спасибо тебе, – пробормотала Маша. – Дай мне еще рюмку коньяку. Я попробую заснуть.

– Погоди минутку.

Миша исчез за дверью спальни, а когда вернулся, в руке у него были все те же рюмочки. Они молча выпили, и Маша взяла бывшего мужа за руку. Помедлила секунду, поднесла ее к губам, поцеловала запястье.

– Спасибо тебе за все, – сказала она, по привычке поворачиваясь на правый бок.

– Если ты проснешься раньше меня, не вздумай уйти, – предупредил Миша. – И вообще, не смей выходить на улицу одна.

– Ты думаешь, мне угрожает опасность? – встрепелась Маша. – Думаешь, это меня хотели убить?

– Откуда мне знать? – пожал плечами бывший супруг. – Завтра будем думать. Завтра расскажешь мне о своих производственных конфликтах, что это за левые деньги крутятся у вас на канале, кому ты там наступила на хвост... Может, еще что-то расскажешь, о чем я не знаю. А пока без меня никуда ни шагу. Все, спи.

Маша провалилась в сон почти мгновенно. А Михаил еще долго стоял, глядя на нее спящую. Потом потушил бра и ушел в гостиную, разделся и лег на диван, чтобы провести ночь почти без сна.

Глава 3

Миша Одинцов был влюблен в Марьяну Карелину с того самого дня, как впервые ее увидел. Вся его сознательная жизнь проходила под знаменем этой любви, любые события, даже, казалось бы, никак не связанные с Марьяной, при глубочайшем рассмотрении все равно так или иначе имели к ней отношение. Мишин отец рано ушел из жизни, но именно благодаря его положению Миша с мамой жили в старинном и очень престижном доме сталинской постройки. В конце 90-х монументальное строение затмил вставший рядом, чуть ли не окна в окна, новый дом, куда активно заселялся городской истеблишмент: чиновники, правоохранители, руководящие работники из разных сфер, творческая элита. Маша и Уля въехали в новый дом на Пушкинской улице на последнем году школьного обучения и мгновенно стали предметом многих скабрёзных обсуждений среди старшеклассников ближайшей школы. Школа, кстати, тоже была престижная, с английским уклоном. Миша учился в параллельном классе и на близкое расстояние к сестрам не подходил. Серьезная Марьяна казалась абсолютно неприступной, а Ульяна, мягкая и улыбочивая, приветливо и даже лучезарно здоровалась. Случайно Миша узнал, что Ульяна собирается поступать на романо-германскую филологию, и вопрос с его дальнейшим выбором профессии решил сам собой. Миша познакомился с Улей, стал посещать тех же репетиторов, что и она, и даже немного подружился с доброжелательной, хотя и несколько замкнутой девочкой. От нее он узнал, что сестра готовится к экзаменам на журфак. Оказаться на одном факультете с Машей было невозможно – такой подвиг Мише было не потянуть, творческий конкурс он бы не осилил, и он решил укрепить дружбу с Ульяной, чтобы рано или поздно получить право приблизиться к ее сестре самым естественным образом. Ко второму курсу их дружба окрепла настолько, что Миша стал приходить к Ульяне в гости, а потом и звать ее в свою компанию. А в компании Ульяна ходила только вместе с сестрой.

Ближайшие друзья Миши – Сема Голукович, Толик Веселов и Олег Шацких – красивых и умненьких девочек-близняшек в свою компанию приняли более чем охотно. Серьезный мальчик Олег на третьем курсе уже имел постоянную девушку, Жанну Савельеву, романтичный Толик всерьез увлекся Ульяной, а вот красавчик Семен подложил другу Мише Одинцову большую свинью – стал активно ухаживать за Машей Карелиной. Таким образом, Миша, так долго и вдумчиво выстраивавший свою линию поведения, свой план приближения к Марьяне, получил результат, обратный ожидаемому. Его ждало жестокое разочарование: приблизившись к Маше как добрый приятель, он ни на шаг не продвинулся к намеченной цели. Миша был на грани отчаяния, когда его проблема разрешилась сама собой: на последнем курсе вуза Семен Голукович неожиданно для всех до потери памяти влюбился в тридцатитрехлетнюю актрису драматического театра. Втайне от окружающих (в том числе и от родителей) он женился на ней и уехал куда-то в Сибирь. Переживала Марьяна этот факт или нет, Миша мог только догадываться, потому что на людях она вела себя так, будто ничего не произошло. К моменту окончания университета Марьяна была уже всерьез озабочена подготовкой к выстраиванию своей будущей карьеры, на компании и веселое времяпрепровождение времени тратила все меньше, но Мише это оказалось только на руку: после бегства Семена Марьяна все больше стала общаться с ним. Миша надеялся, что любимая наконец оценила его, и в чем-то он был прав. После женитьбы Семена Марьяна большим усилием воли все же подавила в себе желание закрыться от всего мира и предаться любовной депрессии. Пострадав положенное время, она вышла из личного кризиса, вынесла из него некоторый опыт: она пришла к выводу, что, во-первых, красота в мужчине – не главное, а во-вторых, в отношениях с мужчиной нельзя погружаться с головой – поскольку вынырнешь из них или нет, еще неизвестно. На самом деле пережить измену Семена Марьяне оказалось непросто. Сема был очень хорош собой, он волновал ее, с ним она впервые узнала, что такое физическое влечение к мужчине. Но самым щекочущим

в их отношениях было то, что Сема по определению не мог оставаться преданным и верным. Он был легким, жизнерадостным, девушки вились вокруг него стаями. Марьяну это сводило с ума, не давало спать по ночам. Потом Семен исчез, но остался Миша. Преданный, серьезный. И, кроме всего прочего, остроумный и приятный внешне. Не такой, конечно, красавец, как Семен, но зато с ним было спокойно. По-настоящему Марьяна оценила своего верного поклонника после того, как впервые оказалась у него дома. В студенческие годы компания собиралась в основном в огромной квартире Семы Голуковича или на старой даче предков Толика Веселова. У Семы были какие-то очень высокопоставленные, влиятельные родители, которые часто куда-то отлучались. Дача Толика была всего лишь маленьким домиком на окраине города, зато там разрешалось жарить во дворе шашлыки и шуметь до утра. Миша Одинцов к себе никогда не приглашал. Он жил вдвоем с мамой, и компанию водить было некуда. Сексуальных отношений у них с Марьяной не было, так что поводов для посещений Мишиной квартиры у Маши не имелось. Ах, если бы несчастный влюбленный узнал, какое впечатление произведет на Марьяну посещение его квартиры, он пригласил бы ее туда давно.

Едва переступив порог, Маша заметила в обстановке добротной, но вполне заурядной квартиры нечто особенное. В первый момент она даже не могла понять, что именно. Дверь в Мишину комнату была оформлена в виде арки, обложенной кирпичиками, сквозь которые пробивались ростки и трава. Маша вошла в его комнату и обомлела: одна из стен тоже оказалась кирпичной, с потолка свисали нити плюща. Кое-где на кирпичиках виднелись надписи: где-то сердечко, пронзенное стрелой, где-то начерченное готическим шрифтом слово. Над Мишиным диваном в стене была прорисована ниша. В ее полумраке на подставке стояла масляная лампа, вокруг которой роем вились бабочки. Маша присмотрелась: бабочки были необычные, у них имелись лица – совсем крошечные, но выписанные с ювелирной точностью. Никогда Марьяна не подозревала в Мише такого таланта. Все знали, что он хорошо рисует, но не более того... Это было потрясающее открытие!

– Почему ты до сих пор молчал?! – накинулась на него девушка, когда Миша вернулся из кухни с бутылкой красного вина и подносом.

– О чем молчал? – буркнул парень, хотя было видно, что он не просто смущен, а очень приятно смущен.

– Обо всем этом! – воскликнула Марьяна. – Это твои работы?

– Ну конечно, а чьи же еще?

Миша в смущении посмотрел на репродукцию авангардистской картины, которая висела над его столом, и Марьяна невольно проследила за его взглядом. О боже! Под модернистский плакат Миша замаскировал портрет прекрасной женщины. С раскосыми глазами, длинной шеей... Марьяна подошла ближе – это был ее портрет! И на нем она была неземной, совершенно фантастической красавицей.

– О боже! Какой же ты дурак! – выдохнула девушка. – У тебя потрясающий талант, а ты его скрываешь.

– А что я, по-твоему, должен делать? – пожал плечами Миша. – Кричать на каждом углу, что я, мол, умею рисовать? Это же смешно. Мало ли кто чего умеет...

– Ты не имеешь права оставлять все это так... – уверенно сказала Марьяна, – это будет преступление.

– Ты правда так думаешь? Тебе нравится?

– Да не просто нравится, Мишка, какая же ты бестолочь! – возмутилась Маша. – Это очень талантливо, у тебя настоящий дар. Короче, я тобой займусь. Теперь это решено.

И Маша выполнила свое обещание. В тот же день у них с Мишей случилось все то, о чем он так долго мечтал, но и Маша неожиданно для самой себя сделала два важных открытия, о которых рассказала только Уле – потому как ни с кем, кроме нее, ничем не делилась.

Первое: оказалось, что мир прекрасен и без Семы Голуковича. Второе открытие заключалось в том, что с Мишей приятно заниматься любовью, и даже не просто приятно, а упоительно. Марьяне даже было несколько неловко от того, что она получает такое удовольствие с тем, кого не любит. И тогда Уля подсказала: «А может, ты уже давно его любишь, просто не признаешься себе в этом?» И вот тут все встало на свои места. Теперь Марьяна почувствовала себя в ладу с собой. Миша талантливый, и она не позволит ему закапывать свой талант в землю, Миша нежный и ласковый, он не предаст. Миша остроумный, но никогда не играет на публику и не позирует перед аудиторией. Все то, что еще вчера нравилось ей в Семене, сейчас показалось Марьяне пустым и пошлым. «Семен – позер и выскочка, мажор и пустобрех, все, что в нем есть хорошего, – это ямочки на щеках. А Миша настоящий».

Уля одобрила выбор сестры, ей нравился Миша Одинцов. Самой Ульяне не везло: она была давно и безнадежно влюблена в Толика Веселова, но тот на протяжении нескольких лет продолжал оставаться для нее загадкой. То он был рядом, то его не было. То он разрывался от любви, то откровенно скучал. Чтобы не стать надоевшей игрушкой, Уля, едва почувствовав первое дуновение холодности, вовремя исчезала с его горизонта и ждала, пока Толик соскучится. Через некоторое время так и происходило, и все повторялось сначала. И не было этому странному роману ни конца ни края.

После окончания университета Марьяна приняла предложение Миши, и они стали не спеша обдумывать планы на дальнейшую жизнь. Маша увлеченно входила в приобретенную профессию, ничем, кроме этого, не интересовалась, и Миша перестал панически бояться ее потерять. Он получил место переводчика на молочном заводе, где когда-то работал его отец и где всю жизнь трудилась технологом мама. Звучало все это не бог весть как, но на самом деле обязанностей у переводчика было много, потому что предприятие тесно сотрудничало с иностранными партнерами. И зарплату Мише, соответственно, назначили очень приличную. Марьяна встретила новость без восторга – она мечтала о том, чтобы ее будущий муж развивал свои редкие способности, чтобы у него появилась своя мастерская, чтобы он стал знаменитостью. Миша мечтал о том же, однако резонно замечал, что на пути к творческому успеху им обоим все-таки нужно будет что-то кушать. В приятных хлопотах, спорах и мечтах о будущем прошли самые счастливые месяцы Мишиной жизни, пока не нагрянула беда откуда не ждали. В августе 2007 года члены некогда сплоченной компании узнали, что из своей сибирской «командировки» вернулся Семен Голукович. И вернулся, оказывается, уже давно. Больше полугода Сема отсиживался в изоляции от внешнего мира, зализывал сердечные раны, а когда вновь возник перед друзьями, никто не услышал от него ни намеков на разбитое сердце, ни жалоб на бесцельно потраченное время. Жизнерадостный Сема приобрел бесценный, как он выразился, жизненный опыт и был готов к покорению новых вершин. Ему, старшему из всех, скоро исполнялось двадцать пять, и отметить «юбилей» Семен намеревался бурно. Если возвращение бывшего бойфренда и задело Марьяну, то виду гордая девушка, конечно, не подала, и у Миши не было ни малейших оснований подозревать ее в том, что она собирается возобновить прежние отношения. Тем не менее плохие предчувствия не давали ему спать по ночам. Он хотел было вовсе отказаться от посещения «юбилея», но железная Маша заявила, что это неприлично. И что сама она не хочет, чтобы Семен думал, будто она избегает его по причине незатянувшейся до сих пор сердечной раны. «Пусть видит, что у нас все хорошо», – сказала Марьяна. Миша согласился, но, откровенно говоря, был вне себя от страха и ревности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.